

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Санкт-Петербургский государственный университет»

Основная образовательная программа «Свободные искусства и науки»

Смолянская Александра Алексеевна

**НЕАНТРОПОМОРФНЫЙ ВЗГЛЯД НА ОБЩЕСТВО В ЛИТЕРАТУРЕ:
«ТЕКСТОВАЯ ОМОНИМИЯ»**

Выпускная квалификационная работа по направлению подготовки
035300/50.03.01 «Искусства и гуманитарные науки»

Профиль подготовки «Литература»

Научный руководитель:

Двинятин Фёдор Никитич,
кандидат филологических наук,
доцент СПбГУ

подпись, дата

Санкт-Петербург

2017

Содержание

Введение.....	2
Глава 1. Трансгуманизм в литературе.....	8
Глава 2. Толстой – Свифт	15
Глава 3. Оруэлл – Реймонт	29
3.1. От Свифта к Оруэллу.....	29
3.2. «Скотский бунт» Н.И. Костомарова	32
3.3. От Костомарова к Оруэллу и Реймонту	35
3.4. «Трудно быть Богом» А. Германа. Универсальность понятия «текстовая омонимия» в искусстве	48
Заключение	52
Список использованной литературы.....	59
Приложение 1	65
Приложение 2	85

«Не утешайтесь неправотою времени. Его нравственная неправота не делает еще нас правыми, его бесчеловечности недостаточно, чтобы, не соглашаясь с ним, тем уже и быть человеком»¹. (Б. Пастернак — В. Шаламову, 9 июля 1952 года)

Введение

Вся история искусства и литературы в частности подобна нити, на которой время от времени образуются узлы и петли, которые последующим поколениям, в свою очередь, приходится распутывать - в противном случае они попросту рискуют запутаться в настоящем, в нашем случае — в конкретном художественном произведении. Претензия эпохи модернизма на конец и новизну заключила в себе противоречие: новое перегружено деталями и подробностями прежнего. Этот оксюморон вылился в современную культуру — лоскутную, цитатную и знаковую. Всё здесь может рассматриваться как концепт, программа, в которой разворачивается множество форм и идей. Знаки ведут здесь не столько к идеям, означают не столько действия и эмоции, сколько сами же знаки. Триумф межеумочности и ускользания — такова особенность так называемого постмодернизма. Это эпоха, когда, с одной стороны, всё чаще звучит вопрос о том, кто такой человек, и как ему ориентироваться в категориях «правого» и «левого», «верхнего» и «нижнего». Соответственно, это литература, которая больше не предъявляет к своему персонажу реалистических требований и создаёт призрачного героя-нарратора. Тем самым в теории повествования всё шире развивается идея трансгуманизма, направленная на развитие человека посредством остраниженного взгляда на него (в нашем случае через художественный образ). Вот почему сегодня исследование неантропоморфного взгляда на общество в литературе представляется

---

¹ Пастернак Б.Л. Отрывок из переписки В.Т. Шаламова с Б.Л. Пастернаком. — URL: <http://shalamov.ru/library/24/1.html>. - Дата обращения: 08.01.2016

особенно значимым, а метод «текстовой омонимии» в сравнительном литературоведении – актуальным.

Лексическая система языка включает в себя слова, которые имеют одинаковое звучание, но означают они совершенно разное. Их называют лексическими омонимами, а звуковые и грамматические совпадения разных языковых единиц, которые семантически не имеют абсолютного совпадения, называются омонимией². Разумеется, в случае текста не представляется возможным говорить о точных совпадениях, так как вариативность смыслов целого художественного произведения может быть чрезвычайно высока³.

---

² В настоящей работе мы не будем вдаваться в подробности известного в языкознании разграничения омонимии, полисемии и смежного с ними явления синонимия. Как известно, под омонимией в лексикологии понимается лексико-семантическое явление, отражающее взаимодействие значений нескольких слов, которые одинаково звучат, но имеют совершенно различные значения, то есть речь идёт об одинаковых планах выражения при наличии различных лексем. Полисемия, или многозначность, - свойство лексемы иметь одно или более лексико-семантических вариантов, образующих парадигму, куда помимо прямых, входят и переносные значения (см. *Способы разграничения омонимии и полисемии в русском языке. Учебно-методическое пособие / Сост. Буров А.А., Сахно О.С. – Пятигорск: Пятигорский государственный лингвистический университет, 2009. – С. 6-7*). Главное различие между двумя понятиями заключается в том, что при омонимии имеет место быть произвольное совпадение по звуковой оболочке двух нескольких слов, в то время как при полисемии наблюдается исторически обусловленная многозначность слов.

Несмотря на то, что принципиальное отличие омонимии и полисемии в лингвистике не подвергается сомнению, конкретные способы разграничения разработаны недостаточно. Вместе с тем, в лингвистике нет «...абсолютной границы между многозначностью и омонимичностью языковых единиц нет, так как и многозначные по своему происхождению слова с течением времени и утратой былой связи значений, могут превращаться для нас в омонимы» (см. *Булаховский Л.А. Введение в языкознание, ч. 2 – М., 1956. – С. 46*). Если слова принято считать «полноценными единицами смысла», что и говорить о следующем – текстуальном – языковом уровне. Едва ли представляется возможным выявить на нём, какие элементы сложившихся сюжетов («планов выражения»), обусловлены случайностью, а какие из них использованы автором намеренно. Вот почему для избежания неточности в использовании терминологии в дальнейшем мы будем условно применять только термин омонимия, который, как будет видно впоследствии, наиболее четко будет характеризовать сюжеты о животном и человеке, даст основания для сравнения и позволит выделить их в отдельную группу.

³ Если два разных понятия называются одними и теми же или почти одинаковыми словами, есть вероятность того, что эти наименования имеют общую историю

Тем не менее, предельный случай текстовой омонимии описан современным литературным критиком Т.Венцлова в книге «Собеседники на пиру». В ней он ссылается на Х.Л. Борхеса, одним из самых известных рассказов которого считается «Пьер Менар, автор «Дон Кихота»»⁴. Образ вымышленного писателя по имени Пьер Менар, потратившего большую часть жизни на то, чтобы воспроизвести ряд глав романа М. Сервантеса «Дон Кихот», превратился в популярную метафору автора, принадлежащего постмодернистской эпохе. Помимо написания своих остальных трудов, жанр которых трудно определить (монографии по логике и эзотерике, стихи, руководства по шахматам и прочее), Пьер Менар поставил перед собой задачу воспроизвести текст Сервантеса таким образом, чтобы передать его через мироощущение XX века, вплоть до того, что думал попытаться забыть историю длиною в три столетия и начать существовать жизнью самого Сервантеса. Получилось ли при формально одинаковых планах выражения добиться нового содержания – вопрос, на который наталкивает рассказ Борхеса. Пример гротескный и утрированный, но далеко не единственный. Литература знает и другие реальные подобные ситуации, когда одно произведение заимствует сюжет или другой структурообразующий принцип у другого писателя⁵.

Явления подобного рода можно наблюдать в рамках жанра антиутопия, когда писательские приёмы настолько схожи, что аналогии напрашиваются сами собой, и их можно проследить на разных уровнях от формально-

---

происхождения. Или, говоря в терминологии Ч.Морриса, один и тот же знак может относиться к разным, но связанным между собой, денотатам (десигнатам). Однако, если в случае лингвистической семиотики языковой знак произволен по отношению к денотату, то куда сложнее дело обстоит на текстуальном языковом уровне. (С.А.)

⁴ Венцлова Т. Собеседники на пиру: Литературоведческие работы / Томас Венцлова. — М.: Новое литературное обозрение, 2012. — С. 19

⁵ Так нормативная по своей сути литература эпохи классицизма была вдвойне миметичной: писатели того времени подражали не только окружающему миру, но и самой литературе, обращаясь к античным авторам (например, Ж.Расин, заимствовавший сюжеты своих пьес у Еврипида, Сенеки и др.) (С.А.)

поэтического до содержательного и выявить как омонимичные (наподобие словарных и синтаксических) системы. В этой связи представляется интересным рассмотреть произведения разных эпох, принадлежащих к традиции антицивилизационных утопий и через аллегорию несущих в себе идею критики человеческих систем глазами не-человека.

Иными словами, цель работы сводится к следующему: доказать на примере нескольких аллегорий, несущих в себе идею неатропоморфного взгляда на общество, что описанное Т.Венцлова и не получившее до сих пор отклика явление «текстовая омонимия» представляет собой не частный случай, а закономерность, которую следовало бы назвать «нарративной омонимией», вопросом которой должна заниматься нарратология. Для изучения предпосылок этого процесса новелла Л.Н. Толстого «Холстомер» и четвёртая часть романа Дж. Свифта «Путешествие Гулливера...», посвящённая гуигнгнмам, оказываются наиболее выразительными примерами классической литературы, в которых повествование развивается относительно дихотомии человек-животное; в свою очередь, «Бунт» В.С. Реймонта и «Скотный двор» Дж. Оруэлла, находясь в неразрывной связи с указанными выше авторами, демонстрируют этот же приём в контексте новой, модернистской традиции. Общим знаменателем четырёх текстов оказывается как разительное сюжетное и символическое сходство, так и общий нравственно-гуманистический посыл, обусловленный политическим контекстом слома эпох.

Исходя из этого, задачи исследования можно было бы сформулировать следующим образом: 1) выявить и описать явление омонимии в истории литературы на конкретных наиболее выразительных примерах классической и модернистской литературы; 2) произвести сопоставительный семантический анализ указанных сюжетов с целью выявления как сходств, так и аутентичности смыслового кода каждого из них; 3) доказать универсальность использования этого понятия как применительно к литературе, так и к искусству в целом.

Научная гипотеза сводится к предположению, что если стихия языка может порождать фонетически одинаковые слова, то стихия литературного языка порождает созвучные нарративы, черпает из неё фрагменты и складывает собственные тексты таким образом, что разные художники разных традиций используют одни и те же сюжетно-символические формулы.

Методы работы основываются на сопоставительном анализе четырёх произведений, включая повесть «Бунт» В.С.Реймонта, не переводившуюся ранее на русский язык, до сих пор не изученную и не представленную отечественному читателю.

В качестве апробации основные результаты выпускной квалификационной работы были представлены на научно-практической конференции «Шестые Студенческие смольные чтения. Мультидисциплинарность в науке и искусстве: тенденции и перспективы». В сборнике, изданном к конференции, были опубликованы тезисы работы.⁶

Научная новизна исследования объясняется тем, что явление это позволяет по-новому взглянуть на нарратив как основное понятие современной науки о языке и искусстве. Практическое значение исследования сводится к оправданности дальнейшего использования понятия «текстовая омонимия», призванного облегчить процесс изучения литературы и искусства. Сравнительный обзор четырёх обозначенных сюжетов призывает задуматься о том, в какой степени смысл произведения находится во власти художественной воли автора. Чтобы ответить на этот вопрос, начнём с самих смыслов произведений, общим знаменателем которых становится концепция трангуманизма.

---

⁶ Мультидисциплинарность в науке и искусстве: тенденции и перспективы. Материалы конференции Шестые Студенческие смольные чтения – 2017 / сост. М.В. Аллахвердов; под общ. ред. А.Л. Кудрина, Т.В. Черниговской, М.В. Аллахвердова. – СПб.: Изд-во С. – Петерб. Ун-та, 2017. – с. 139-140.

Глава 1. Трансгуманизм в литературе

Сразу необходимо сделать оговорку, что в данном случае речь не пойдёт об изучении психологии человека и не догадках о сознании животного. Традиционно психология изучает то, что можно назвать разумом, душой, сознанием и так далее. Общепринятое разграничение между разумом и инстинктом, изначально введённое для того, чтобы противопоставить человеческую жизнь и человеческое поведение поведению и жизни животных, не позволяет провести черту между предметом человеческой психологии и предметом психологии животных. В то же время естественнонаучный метод едва ли позволит понять, что бы для животного значило мыслить, и нам остаётся лишь догадываться об этом.

Литература предстаёт перед нами как опыт, который не доступен нам в действительной жизни, и, покуда буквально перевоплощение в животное едва ли осуществимо в реальности, слово открывает простор для трансгуманизма, как философской концепции направленной на развитие человека (в нашем случае духовно-нравственное посредством художественного образа). Данное в литературе пространство воображения открывает здесь возможность отношений животного и человека посредством аллегории. Специалист по животному эпосу Е.А. Костюхин замечает, что «чем ближе к истокам словесности, тем чаще её полноправными героями оказываются животные»⁷. Они возникают наравне с людьми, а иногда даже превосходят последних; нередко находятся в отношениях, которые продиктованы правилами человеческого, а не природного общежития. Относясь к сфере комического в большинстве случаев, сюжеты о животных то смешат, то наводят на мысль о нормах поведения людей. Иными словами, уже в истоках старинной словесности сфера действия образа животного представлена разнообразно и широко. «Мифы о птицах и зверях,

---

⁷ Костюхин Е.В. Типы и формы животного эпоса. – М.: Наука, 1987. – С. 7

устраивающих мироздание, сказки о проделках животных-хитрецов, нравоучительные басни, учёные сочинения фантастического характера о диковинных животных, эпические поэмы и сатирические повести о царстве животных как кривом зеркале человеческого социального устройства»⁸, - таков неполный перечень художественных форм, в которых отливаются повествования о животных. Поле это необъятное: все они принадлежат к разным эпохам и народам, относятся к различным жанрам, начиная от сказок, басен, анекдотов и средневековых поэм и заканчивая рассказами о животных Сетона-Томпсона или Чехова. Литературные жанры так называемого животного эпоса не забывают о своих фольклорных корнях, то есть содержат на глубинном семантическом уровне идейно-художественные принципы, которые сложились ещё в устном народном творчестве. Ветвь фольклора, в свою очередь, произрастает из мифологических сюжетов о персонаже-трикстере.

Костюхин замечает, что «не мифология в целом, а лишь самый древний, архаический её пласт был источником животного эпоса».⁹ Далее происходит дифференциация мифологии, и уже в архаическом фольклоре появляется мифологическая животная сказка, «не имеющая ничего общего с высокой мифологией богов и героев»¹⁰. Безусловно, доминирующим выступает миф о проделках животных-проказников, комизм которого оказал сильное воздействие как на предания, легенды и прочие жанры фольклорного эпоса, так и на литературу, воспроизводя схемы «миф-сказка-басня», «миф предание-бестиарий» и, наконец, «миф-сказка-сатирический роман».

К. Леви-Стросс показал, что мифология являет собой аллегорическое и символическое восприятие важнейших жизненных ситуаций. Она выдаёт рефлексию на эти ситуации таким образом, что с её помощью создаётся

---

⁸ Там же. – С. 8

⁹ Там же. – С. 8

¹⁰ Там же. – С. 8

своего рода «код» для разграничения явлений природных и социальных. В основе классификации лежит тотемизм, причем естественные различия между животными используются для анализа социальных отношений¹¹, что впоследствии выявляется в больших литературных эпических жанрах. Миф как аллегория человека через животное — это логический механизм разрешения противоречий мысли о мире. При изучении всей совокупности известных вариантов мифа хаос содержаний постепенно перерабатывается в бессознательное сходство структур, которые и образуют сюжетные формулы, небезызвестным образом выведенные в той же волшебной сказке В.Я. Проппом¹². По аналогии с фонемами и морфемами, «мифемы» — это пучки отношений, которые приобретают смыслоразличительную функцию. Основной способ структурирования мифов — вычленение бинарных оппозиций (жизнь-смерть, свобода-несвобода) с фигурами-посредниками. В конечном итоге появляется трикстер, который берёт на себя медиальную функцию. Постепенное снятие противопоставления — медиация (например, между жизнью и смертью). Миф сугубо рационален, так как у него есть прямая функция разрешать или сглаживать противоречие. Если противоречие реально, оно неразрешимо, остаётся только бесконечное увеличение попыток разрешения и примирения с ними, поэтому рост мифов и вариаций непрерывен.

Зооморфный трикстер впоследствии сменил своё сакральное значение на моралистическое. «На этом этапе животные перестают представлять в текстах лишь самих себя, за ними угадываются не звериные, а иные, людские отношения»¹³, - миф становится глубинной инвариантной основой для фольклора и впоследствии не может не проявиться в литературе (у Толстого, Свифта, Оруэлла и Реймонта «наш мир», социальная община с присущей ей

---

¹¹ Леви-Стросс К. Структурная антропология / Пер. С фр. Вяч. Вс. Иванова. — М.: Изд-во ЭКСМО-Пресс, 2001. — 512

¹² Пропп В.Я. Морфология сказки. — М.: Лабиринт, 1998. — С. 5-68.

¹³ Костюхин Е.В. Типы и формы животного эпоса. — М.: Наука, 1987. — С. 78

иерархичностью остраняется посредством изображения царств животных, звери говорят, думают и поступают по-человечески, следовательно, их персонажи характеризуют антропоморфное общество). Сюжет с участием животного превращается в орудие классовой борьбы, в которой скрыта острая социальная сатира.

В каждом случае целью выступает духовная победа человека над жизненными обстоятельствами. Эти принципы во многом определяют и художественную традицию Толстого, Свифта, Оруэлла и Реймонта. Костюхин замечает, что говоря о типологически сходных чертах, необходимо иметь в виду сюжетные схемы, которые рождаются в процессе развития животного эпоса. Это значит, что одни «и те же сюжеты приобретают различное жанровое оформление ... и мы не склонны полагаться лишь на уникальную ценность каждого повествовательного типа»¹⁴, – замечание особенно значимое с точки зрения изучения сюжетов о животных и человеке как омонимичных образов. «История жанра не сводится к истории составляющих его сюжетов, но не может быть понята без анализа отдельных повествовательных типов»¹⁵.

Итак, миф превращается в дидактическую аллегория, а значит, любая концепция взаимоотношений между животным и человеком оказывает огромное влияние на наши представления о самих себе, о том, как следует вести себя с окружающими и о том, чего можно от них ожидать, – то есть об основополагающих ценностях («о человечности») и даже порой о том, чего стоит ждать от жизни и, быть может, о загробном мире. Иными словами, последующее рассмотрение созвучных аллегорий призвано создать картину, прежде всего, человека без прикрас.

Другая ветвь развития трансгуманизма в литературе произрастает из философии. Чёткому оформлению картины, которая создаётся при рассмотрении различных сюжетов о животных и человеке, начиная с

---

¹⁴ Там же. – С. 10

¹⁵ Там же. – С. 10

античности, способствует прежде всего значимость нравственных, политических и религиозных аспектов проблемы. Согласно французскому философу-трансгуманисту Ж. Симондону, первые подобные тексты относятся ещё к философам-досократикам¹⁶. Можно сказать, что именно Сократ изобрёл человека: подчеркнув критическую дистанцию между человеком и всем, что имеет отношение к природе, он создал некий вид гуманизма на основе «антропологического различия»¹⁷. Сократ обосновывает высшую ценность человеческой жизни, отделяя её от всех остальных естественных явлений. Это представление о принципиальном различии между человеком и животным, ощущение, сопряженное с идеей своеобразия человека, разделяют также софисты, исходящие, впрочем, от иных предпосылок («человек есть мера всех вещей»), равно как и Платон, стоики, Святые Отцы со своим христианским учением, ранние апологеты и особенно Декарт¹⁸. Все эти явления могут быть обозначены как «этические». Тем не менее, нравственные и религиозные ценности могут служить также и опорой для тезиса о родстве или по крайней мере о преемственности между человеческим и животным образом. Такой тезис был выдвинут в эпоху Возрождения в учениях святого Франциска Ассизского и Джордано Бруно. Теория Аристотеля, предположительно основанная на объективных наблюдениях и представляющаяся тому же Симондону «интеллектуальной, обширной и бессистемной» теорией, в которой нет выраженной дихотомии»¹⁹ приводит в конечном итоге к установлению иерархии в отношении человека с другими живыми существам. Литература, в свою очередь, позволяет свести на нет эту иерархию, приравнивая иные человеческие свойства к животным. Вопрос исследуемых авторов «Что есть

---

¹⁶ Симондон Ж. Два урока о животном и человеке. – М.: Издательство Грюндригсее, 2016. – с. 29

¹⁸ Там же. – С. 31

¹⁹ Там же. – С. 33

животное?» оборачивается вопросом «Что есть человек?» Какова их взаимосвязь? Даже если мы в состоянии проследить основные тенденции и доминанты, мы не можем определить чёткие границы того, на что способно живое существо, уже прошедшее индивидуацию. И мы не знаем, в какие отношения оно может вступить с тем, что находится у него внутри (с доиндивидуальным), или же с тем, чем оно не является (трансиндивидуальным и интериндивидуальным). Метафоричность, таким образом, наталкивает читателя на вопросы нравственности и метафизики.

Итак, миф превращается в дидактическую аллегорию, а значит, любая концепция взаимоотношений между животным и человеком оказывает огромное влияние на наши представления о самих себе, о том, как следует вести себя с окружающими и о том, чего можно от них ожидать, - то есть об основополагающих ценностях («о человечности») и даже порой о том, чего стоит ждать от жизни и, быть может, о загробном мире. Литературные жанры животного эпоса не разрывали связь с этими корнями, развивались на границе с философскими учениями и фольклором, черпая из них и сами им многое отдавая. Так продолжалось вплоть до нового времени, которое по-новому взглянуло на закономерности литературного эпоса о животных древности и средневековья. Вместе с тем, «общество разумных лошадей у Свифта или неразумных животных, попавших в сети политических интриг, у Оруэлла, животные в баснях Лафонтена и Крылова – всё это, хотя и хранит следы былой традиции животного эпоса, должно быть соотносимо прежде всего с литературой нового времени»²⁰, к которой мы теперь и обращаемся.

Хотя современное литературоведение не сторонится тематической классификации (например, «деревенская проза» или «тема войны»), понятие «анималистическая словесность» представляется совершенно безбрежным в силу наличия слишком большого множества примеров, которые можно было бы к нему отнести. Этот конгломерат разных жанров – в нашем случае литературных – необходимо превратить в систему. В этой связи

---

²⁰ Костюхин Е.В. Типы и формы животного эпоса. – М.: Наука, 1987. – С. 12

объединяющим началом становится лингвистическое понятие омонимия, которое будет рассмотрено на примере родственных между собой сюжетных пар повести Л.Н. Толстого «Холстомер» и четвёртой части «Путешествий...» Дж. Свифта, притчи Дж. Оруэлла «Скотный двор» и повести В.С.Реймонта «Бунт».

Глава 2. Толстой - Свифт

В 1856 в дневниковых записях Л.Н. Толстого намечен основной мотив повести «Холстомер», а через несколько лет появляется её первая редакция (запись в дневнике от 31 мая)²¹. Однако Толстой возвратится к прежним рукописям и продолжит работу только спустя двадцать четыре года, усилив обличительную направленность ее содержания. Исконно повесть носила название - «Хлыстомер», а уже впоследствии - «Холстомер»²². Лошади дали мерину такую кличку за длинные ноги и невиданный размашистый ход.

Толстой использовал любопытный композиционный прием. Повествование о жизни и судьбе Холстомера ведется не с начала, а с конца. Каким станет мерин рассказывается с первой по четвертую главу, а о предыстории мы узнаем лишь в финале. Холстомер повествует о собственной жизни табуну, при этом его рассказ продолжается пять ночей (с пятой по восьмую главы) и занимает четыре центральных главы повести. О судьбе мерина рассказывает не только автор, но и он сам. Мы узнаем о его жизни от юных лет до старости, видим, как она неустанно лишается права выбора, права на любовь и достойное существование. Повесть Холстомера сродни исповеди, а значит, в отличие от формы внутреннего монолога, подразумевает под собой не просто внутреннее открытие, но совмещает эвристику с исповедальным самораскрытием персонажа, который оказался в кризисном положении и испытывает потребность в слушателе, в ком-то «другом».

Толстой раскрывает уникальность Холстомера именно посредством его психологического самовыражения. Оно оказывается одним из

---

²¹ Стахович С. Как писался «Холстомер». В издании: Л. Н. Толстой / Гос. лит. музей; Ред. Н. Н. Гусева. - М.: Изд-во Гос. лит. музея, 1988. – с. 10

²² Там же. - с. 10

основополагающих признаков поэтики Толстого и означает готовность героев отказаться от привычных им моделей мышления, поведения и в целом восприятия окружающего мира, то есть способность изменяться и эволюционировать. Исповедь Холстомера наполняется содержанием, включающим в себя взаимоотношения с другими героями, переживания, мысли сильные чувства и стремления внутреннего характера, - все это ведёт к наиболее полному и разностороннему раскрытию мерина как личности. Психологическое, исповедальное самовыражение в повести становится одним из наиболее значимых признаков диалектики героя и свидетельствует о его положительной характеристике автором. С помощью этого приёма, то есть посредством расширения функции внутреннего монолога, писатель делает явным внутреннее состояние персонажа, благодаря чему мы имеем более полное изображение пути от рефлексии до нравственного совершенствования и, наконец, перерождения героя.

В этой повести об «истории лошади» уже в экспозиции Холстомер изображается героем-мыслителем («выражение его было серьезно и задумчиво»). Его эмоциональное восприятие воспроизводит естественную человеческую жизнь. Например, эта особенность раскрывается в его пронизательных размышлениях о действиях управляющего табуном: «Ведь только и храбриться ему одному, пока его никто не видит»²³.

Холстомер очень ярко ощущает любой физический контакт с миром, поскольку у него хорошо развиты телесные инстинкты: «моча копыта и щетку ног, всунул храп в воду и стал сосать воду сквозь свои прорванные губы»). Эти ощущения тесно связаны с тайным внутренним миром, движением мысли Холстомера, чему свидетельством служат авторские психологические и портретные характеристики: «строго терпеливое, глубокомысленное и страдальческое... выраженье лица», «Бог знает, о чем думал старик мерин...»²⁴.

---

²³ Толстой Л.Н. Избранное. / Сост. Е.Н. Николин. – Л.: Лениздат, 1979. – С. 262

²⁴ Там же. – С. 269

Читая произведение, мы понимаем, что существо это прежде было совсем другим: оно любило, проявляло заботу, а теперь превратилось в живую развалину с длинной и засоренной репьями гривой, жидким хвостом, большой костлявой головой и больными ногами, покрытыми коростой. Но все же в лошади сохранилось что-то величавое, достойное уважения, что не могло не сказаться на ее поведении. Холстомер зря не топтал траву, ел неторопливо, обстоятельно, внешне не реагировал на нанесенные обиды, если же очень досаждали - отвечал.

Чем больше естественного, своего, тем значительнее оказывается живое существо. «Меня называли собственностью человека, - размышляет Холстомер, - слова «моя лошадь», относимые ко мне, живой лошади, казались мне так же странны, как слова «моя земля», «моя вода», «мой воздух»²⁵. Животный людской инстинкт к собственности кажется Холстомеру безнравственным и не может быть принят им, поэтому он с гордостью заявляет: «Имя мое по родословной - Мужик первый... По происхождению нет в мире лошади выше меня по крови»²⁶.

Здесь слышатся размышления Толстого о несправедливом, неправедном обществе, в котором невыносимо трудно существовать человеку, сумевшему сохранить в себе человеческие качества. Нелепо, жестоко общество, охранявшее бессмысленное существование собственности, - такой вывод делаем мы, внимая рассказу лошади. Чтобы со всей серьезностью отнестись к «рассуждениям» Холстомера, нам необходимо поверить в его «очеловечивание», что с первых страниц удаётся сделать, забывая об аллегории и условности исходной ситуации.

Холстомеру в повести противопоставлен его последний владелец-князь Серпуховский – беспечный кутила, промотавший состояние в два миллиона. Чем больше мы узнаем о его жизни, тем больше она вызывает у нас отвращение. Читатель невольно наталкивается на сравнение двух жизней:

---

²⁵ Там же. – С. 276

²⁶ Там же. – С. 270

трудового пути Холстомера и праздного существования Серпуховского, где первый знаменует собой служение людям, лишения, издевательства хозяев, второе – карты, женщин, вино; один и в старости по-своему прекрасен (даже табун вернул ему уважение), и мысль его продолжает напряженно работать, другой – обрюзгший, равнодушный, являющий собой полное отсутствие мысли. Эти две жизни, две истории очень контрастны, как и смерть лошади и князя. Холстомер в конце даже вспомнил когда-то любимого хозяина и что-то проржал ему, тот же его попросту не признал.

Таким образом, можно сказать, что Толстой использует не только прием аллегории, но и контраста, показывая читателю как две жизни, так и две смерти. Сквозь призму познания действительности через оптику восприятия животного, которое не имеет возможности словесно выразить свои чувства и эмоции о мире и людях, в повести Толстого высветились извечные полярности бытия не только социального, но и, как будет показано в дальнейшем, психологического и философского.

В таком композиционном приёме довольно явно проявляется сопряжение плоти бытия и измерения сокровенного, причастного к вечности. С помощью создания собственной «точки зрения» мерина, автор стремился существенно ослабить привычные социальные стереотипы, открывая новую «оптику» образного видения мира.

«Ваш мерин, я уверен, будет, будет беспримерен»²⁷, – так писал А. Фет Л.Н. Толстому в 1863 году после первой редакции повести «Холстомер». В отношении толстовского образа поэт, безусловно, оказался прав – художественное произведение тем и уникально, что являет собой непосредственное, сугубо индивидуальное и «беспримерное» видение жизни. Тем не менее, возвращаясь к идее возникновения художественного замысла,

---

²⁷ Венцлова Т. Собеседники на пиру: Литературоведческие работы / Томас Венцлова. — М.: Новое литературное обозрение, 2012. – С. 6

после прочтения «Холстомера» на ум едва ли не приходит ассоциация, как минимум, с несколькими другими произведениями.

Одно из них – четвёртая часть «Путешествия Гулливера» Дж. Свифта. Вне всякого сомнения, обе книги представляют собой критическое обличение человеческой цивилизации. Каждая из них по-своему не лишена сарказма и мизантропии. И Толстой, и Свифт прибегают в своих произведениях к приёму остранения, что, опять же, делает возможным изображение критики человеческих систем глазами не-человека. Обоим свойственно стремление к дидактической аллегории, достигаемой через панпсихизм, то есть предельную одушевлённость природы – хотя и совершенно по-разному. В то время как толстовское повествование грубовато и выразительно в своей реалистичности, весьма отлична от него изощрённая учёная сатира Свифта, которой тоже присущи свои натуралистические приёмы. Толстой, «срывая маски» и обличая, сохраняет в повести внутреннюю связь с мифом; Свифт, напротив, придерживается установки на демифологизацию. Борис Эйхенбаум отмечал,²⁸ что в «Холстомере» ярко выражена структура, традиционная для животного эпоса, и само течение времени мифично и включает в себе внеисторический характер. Было замечено и то, что не лишён «Холстомер» и вполне конкретных общеизвестных мифологических интертекстуальных отсылок. Так в нём можно вычислить мотив Пегаса или волчицы в известном заключительном эпизоде: монументальная и скульптурная, она, несмотря на весь натурализм деталей, служит явственным напоминанием о римской волчице. Вместе с тем, различий между двумя аллегориями недостаточно, чтобы отменить весьма существенное сходство: и у Толстого, и у Свифта жалкий и низменный человек показан через призму восприятия благородной и мудрой лошади.

---

²⁸ Эйхенбаум Б. Лев Толстой кн. 2: *60-е годы*, Москва, 1931, ч. 2, гл. 4. – с. 214-215

Существует ли между «Холстомером» и «Путешествием в страну гуигнгномов» прямая связь – сложно сказать, хотя известны дневниковые записи Толстого и другие свидетельства, подтверждающие интерес русского писателя к роману Свифта, о чём, например, упоминает В.Шкловский²⁹. Как бы то ни было, «Холстомер» и «Путешествие...» построены на смещении ролей животного и так называемого «животного мыслящего», то есть человека. Образ пегого мерина, развивающего глубокомысленные монологи, очевидно, родственен рассудительным гуигнгнмам. В этой связи особенный интерес представляет финальный эпизод повести Толстого. Любопытно, что описание умершего хозяина мерина Серпуховского следует сразу за смертью самого Холстомера. Такие детали, как «загнившее» и «пухлое», «евшее и пившее мёртвое тело», бывшее всем в «великую тягость», создают впечатление, будто речь идёт всё ещё о животном, а вовсе не о человеке. В своей плотской и омерзительной сущности этот образ, опять же, очень походит на «йэху» у Свифта – человекоподобных существ, населяющих страну добродетельных лошадей-гуигнгномов, концентрированный образ природы человека, не облагороженной духовностью. Значительно то, что и Холстомер, и гуигнгнмы ставят себя выше людей. Через Гулливера последние узнают о таких понятиях, как власть, правительство, война, наказание, деньги, промышленность и тысячи других привычных нам явлений, не имеющих соответствующих понятий на языке гуигнгномов. Всё это им кажется нерациональным и неправильным. Почти так же на человеческую жизнь реагирует Холстомер с той лишь разницей, что его внимание сосредотачивается на институте собственности, что, говоря о приёме остранения, подчёркивает В. Шкловский статье «Искусство как приём»³⁰.

²⁹ Шкловский В.Б. Энергия заблуждения: Книга о сюжете. – М.: Советский писатель, 1981. – С. 256.

³⁰ Шкловский В.Б. О Теории прозы. – М.: Круг, 1925. – С. 7-20

Однако едва ли было бы плодотворно говорить лишь о точках соприкосновения двух произведений, тогда как, будучи написанными в разные эпохи и с разными установками, они во многом различны, если не сказать противоположны. Перед нами ярчайший пример внешнего подобия текстов при существенных различиях их внутреннего семиотического устройства структур. В этом случае, быть может, допустимо говорить об уже упомянутой текстовой омонимии (по аналогии с омонимией словарной, синтаксической и т.п.). О главном, по его мнению, зле человечества – собственности – Холстомер говорит со спокойной иронией. В то время как свифтовский роман, мягко говоря, несёт в себе пессимистический, если не сказать человеконенавистнический посыл, «Холстомер» строится лишь на попытке такого презрения, которая в конечном счёте провалилась: как замечает Шкловский в «[...] Книге о сюжете», «лошади жалеют людей»³¹, они предполагают возможность «изменения психологии»³², чего не было у Свифта. Последний буквально доводит до предела известное в богословии разделение сущности человека на высшую и низшую ипостаси, на стремящийся ввысь дух и падшую брнную плоть. Вслед за просветительской концепцией своей эпохи, восходящей к Р. Декарту и Дж. Вико, Свифт описывает мир, где знание и «рацио» приравняются свободе, и в центре должен торжествовать разум. Два полярных начала представлены как противоположные роды существ, из которых каждый образ несёт в себе «половину человеческого». Духовным и рациональным венцом мира оказываются гуигнгны. В их мире всё подчинено точной знаковости. Язык гуигнгнов совершеннее человеческого (Гулливвер жалуется, что не всегда может перевести его на «варварский» английский). Он разработан так, что на нём невозможно выразиться неточно и не информативно, вплоть до того, что у этих существ отсутствует письменная речь, что исключает возникновение

---

³¹ Шкловский В.Б. Энергия заблуждения: Книга о сюжете. – М.: Советский писатель, 1981. – с. 273

³² Там же.

истории, а значит, и неизбежных ошибок. Абсолютная безошибочность, ясность и ограничение – таковы основные функции знаковой системы такого рода, во многом приближающейся к «новоязу» Дж. Оруэлла.

Мы погружаемся в мир гуигнгнмов или разумных лошадей, который на первый взгляд кажется чем-то чистым, правильным и понятным - но это отнюдь не так. Напоминающий изначально демократическую утопию, он и близко не таков. Культура гуигнгнмов создана по образцу Платоновской республики. Её основа – наука и производство, венец - физические упражнения с пиндарическими песнями в честь победителя. Разумным лошадям отнюдь не чуждо чувство собственности, но в их мире преобладает чувство отдельности. Здесь есть разделение на хозяев и слуг - единственное социальное неравенство в их мире. Принадлежность к тому или иному положению обусловлено мастью и породой. Гуигнгнмы по природе своей жестоки, они не ведают страха смерти, а так же любви во всех её проявлениях. Умирают они безболезненно, не зная боли и при жизни. Как всяким аристократам, им свойственна нетерпимость и жёсткий ригоризм. Для гуигнгнмов Йэху – это что-то вроде домашнего скота. Мир этот равнодушен по сути своей, в нём все руководствуются логикой и здравым смыслом, проявляя бесчеловечную добродетель, ведомые бесплодной гордыней. Этот остров, который изначально видится по истине райским местом, на деле оказывается антираем, в котором царит «чистая культура». Мир системности, знаковости, не-природности.

В противовес миру гуигнгнмов приводится мир Йэху. Будучи антиподом, мир Йэху рисуется местом, где нет никакой культуры, знаковости. Этих существ считают неспособными к какому-либо обучению, именно поэтому у них даже нет собственного языка, они только и могут, что строить гримасы и бессмысленно двигаться. Если позаимствовать терминологию Михаила Бахтина, то мир гуигнгнмов можно описать как мир, в котором господствует «классическая» концепция тела – красота и грация

любого телодвижения, красота и возвышенность поз отдельного от вселенной существа. Тело Йэху, напротив, имеет ужасный тошнотворный запах, оно грязное, гротескное, поглощающее и извергающее – неспроста оно описано со всеми анатомическими подробностями. Среди них нарочито подчеркнутое сексуальное желание Йэху, на которое направлены тирады Гулливера, возмущенного столь развратными нравами. Не удивительно, что этот народ вызывает сильнейшее отвращение как у самого Гулливера, так и у читателя. Однако, нельзя не отметить, что в отличие от мёртвого системного мира чистого духа, это более чем живая, жизненная, рожающая и гибнущая плоть. Многие считают, что почти четверть романа Свифта, это утопия. На самом же деле, страна гуигнгнмов представляется не райским идеалом, а культурой, в которой отсутствуют ощущения и так называемая жизненность.

Прекрасное противопоставление жизненности и знаковости дано в повести Льва Толстого «Холстомер». В ней показан низменный, морально-ущербный человек и глубокомысленный мерин. Однако главное место в ней отведено примиряющей всех жизни, которой всё равно каким ты был. Панпсихизм выступает не только в роли дидактики, но и служит способом смягчения границ между образами лошади и человека (мы видим это, например, в том, как показана жизнь других антропоморфных животных; не смотря на то, что она описана с долей юмора, но она всё же вполне гармонична).

Повесть начинается со строк, наполненных этой жизнью:

«Все выше и выше поднималось небо, шире расплывалась заря, белее становилось матовое серебро росы, безжизненное становился серп месяца, звучнее — лес, люди начинали подниматься, и на барском конном дворе чаще и чаще слышалось фыркание, возня по соломе и даже сердитое визгливое ржание столпившихся и повздоровивших за что-то лошадей»³³.

Толстой раскрывает нам этот мир, позволяя увидеть его в становлении. Мир этот предстают перед нами первобытным раем, полной

---

³³ Толстой Л.Н. Избранное. / Сост. Е.Н. Николин. – Л.: Лениздат, 1979. – С. 260

противоположностью такому унылому «философскому острову» Свифта. Даже смерть в повести Толстого гармонично вписана в саму картину бытия и дополнена необходимым моментом возрождения. Даже сцена смерти Холстомера происходит именно утром, что подчёркивает цикличность всей повести: от утра до утра разворачивается её действие.

«Утро тихое, ясное. Табун пошел в поле. Холстомер остался. Пришел странный человек, худой, черный, грязный, в забрызганном чем-то черным кафтане. Это был драч»³⁴.

Смерть Холстомера описана в движении с использованием преимущественно глаголов, а смерть Серпуховского не упоминается вовсе (указываются лишь её последствия). Как разрыв пространства представляется читателю гибель Холстомера:

«И ему стало легче гораздо. Облегчилась вся тяжесть его жизни [...] Он не столько испугался, сколько удивился. Все так ново стало. Он удивился, рванулся вперед, вверх».³⁵

Даже после того, как сердце Холстомера навсегда остановилось, в самой своей смерти он остался частицей панпсихического бытия. Это символизировано тем, что даже после его смерти, тело его, ещё способно принести кому-то пользу.

Несмотря на то, что, как отмечает Шкловский, эта параллель казалась Толстому «немного искусственной»²⁹, и в ней присутствует элемент пародии, она всё же лишена сарказма и аллегоричности как у Свифта. Для Толстого жизнь лошадей – жизнь неизвращенная, она лишена фальши, так как это воплощение естественности. В повести Толстого лошади представлены разумными существами со сложной психикой, им не чужд этикет, они имеют свои обычаи и ритуалы, знают об иерархии. Конечно, здесь есть условности и невинная ложь (автор пишет, что лошади «сделали вид», «притворились»),

---

³⁴ Там же. – С. 290

³⁵ Там же. – С. 291

но это ложь игровая, игра от избытка силы и чувств. Однако знаковость эта минимальна.

Парадоксальна основная часть повести, которую рассказывает Холстомер. Мерин считает, что лошади лучше людей, так как для первых главное не слова, а поступки, которые играют в жизни определяющую роль. Лошади, в отличие от людей, не поработены знаковостью. Холстомер, не использующий слова, говорит о людях словами, это как бы произносятся слова в словах. Сложившийся парадокс Толстой обходит стороной, перенося всё действие произведения на фантастический уровень. Для этого автор использует некоторые нехитрые приёмы: например, он делит повествование на ночи (ведь ночь – романтический образ, царство мифической логики), вводит соответствующий словарь («мерин [...] представлял странно фантастическое для лошадей зрелище»). Другой приём – усиление посредством троекратного фольклорного повторения повторением («узнали у него... узнали у него... узнали у него»).

В рассказе Холстомера о своей жизни Толстой использует типичное для него повествование неправильными фразами, что помогает ещё глубже «погрузиться» в атмосферу повести, так как речь Холстомера воспринимаются как «внечеловеческая»³¹. Например, в один момент своего повествования Холстомер говорит: «я задумывался о непостоянстве материнской и вообще женской любви и зависимости ее от физических условий»³⁶ — фраза звучит пародийно и очень в духе Свифта. Однако главная мысль всей повести воплощена с мудрой простотой библейской притчи. Ещё один парадокс, что Холстомер судит людей по законам человечности. Он даже говорит о том, что понял, когда люди говорили о сечении и о христианстве. Вместе с тем, ему, например, непонятно, как знак может вытеснить реальность, превратив реальные связи в отчужденные.

Человек как бы пытался выключить Холстомера из природы. Во – первых, людям была не по вкусу его масть, хотя у остальных лошадей она

---

³⁶ Там же. – С. 276

вызывала восторг. Люди воспринимали такую масть как признак ущербности, а лошади видели в ней нечто органическое. Автор вновь и вновь наталкивает читателя на мысль о том, что принадлежность и собственность – это понятия, относящиеся к человеческому сознанию.

Во-вторых, сам Холстомер говорит о том, что он был трижды несчастлив. Он был пегий, мерин и люди решили, что он принадлежит не себе или Богу, что закономерно для всего живого, а конюшему.

Наконец, сам мир лошадей описывается как мир инстинктов и природы. В их мире органика жизни а иерархии ценностей находится вне системы (в мире гуигнгнмов всё ровно наоборот). Лошади, в мире Толстого, воспринимали жизнь со всеми её недостатками и жестокостью. Они знали ценность каждому живому существу, ценили нравственные достоинства каждого. Именно такую жизнь Толстой называл жизнью «возвышенной». Такую жизнь автор подарил Холстомеру, который сам о себе говорил «высоко, возвышенно» («я есмь»). Вот почему описание старости столь оксюморонно: его смерть отвратительна и вместе с тем величава. При описании состарившегося Холстомера, Толстой, как и Свифт, не менее беспощадно использует анатомические детали. Встречаются в нём даже свифтовские формулировки, делающие описание чрезмерно натуралистичным: «Задние коленки и хвост были нечисты от постоянного расстройства желудка». Но, несмотря на довольно неприятно-правдоподобное описание, такой слог создаёт ощущение торжественности, ведь в итоге Холстомер является нам полным «самоуверенности и спокойствия, сознательной красоты и силы».

Толстой считает, что жизнь человека может быть прекрасной, если она близка к природной. Яркими подтверждениями тому оказываются образы кучера, конюха и табунщика Нестора. В жизни этих людей существовал свой язык, который не отличался знаковостью. «Длинная спина» конюха, междометия и движения у табунщика, слезы кучера, которые имели «приятный соленый вкус», - так в языке этих героев проявляется телесность

и органичность, слова их точные и конкретные. Мир же постаревшего Серпуховского имел большое количество пустых знаков и чужих погубленных жизней.

По мнению Т. Венцлова некоторые сцены имеют черты публицистичности, «толстовства».³⁷ В повести присутствуют рубленные, лживые, актёрские диалоги, противопоставляемые монологу Холстомера. В этих диалогах всё как бы распадается. Мир в них душен и ограничен, изобилует мерой и цифрами. Человек в них соотносится с предметами. Описывая беременную хозяйку, Толстой от описания её выгнутой позы переходит к описанию изогнутой мебели, сравнивая их между собой. И только такие чувства как страх и стыд не дают окончательно омертвить людей. Смерть и та оказывается фальшивой, знаковой. Серпуховскому соответствует образ тройного гроба, ведь плоть его - это тоже гроб (отсылка к евангельской метафоре о «гробе повапленном»).

При этом Серпуховский не всегда был таким. Читатель знает, что ранее он тоже «любил и умел пожить»³⁸, его окружал мир, неподдельная страсть, а не пустые знаки. А Холстомер понимал его так же хорошо, как Нестора. Поздний Лев Толстой считал, что так жить аморально, однако и он не мог скрыть интерес к жизни эмоциональной и полной. В этом главное основное отличие «структуры» Льва Толстого от подобной «структуры» Свифта. Свифт описывал отвратительно-натуралистическую жизнь, которая целиком противостоит разуму, а Толстой – ту жизнь, в которой разум и плоть находятся в едином мире, не сковываемом цепями ложных знаков.

Итак, при внимательном рассмотрении, позиции Свифта и Толстого оказываются несовпадающими, если не сказать противоположными. Так лежащие на поверхности точки соприкосновения текстов сосуществуют вместе со значимыми отличиями внутреннего семиотического устройства,

---

³⁷ Венцлова Т. Собеседники на пиру: Литературоведческие работы / Томас Венцлова. — М.: Новое литературное обозрение, 2012. - С. 17

³⁸ Там же. – С. 298

что позволяет прийти к выводу об омонимичности четвертой части романа Дж. Свифта «Путешествие Гулливера» и повести Л.Н. Толстого «Холстомер».

Глава 3. Оруэлл – Реймонт

3.1. От Свифта к Оруэллу

«В Путешествиях Гулливера» человечество подвергается нападению или критике, по крайней мере, с трёх разных сторон, при этом с необходимостью изменяется и образ самого Гулливера», - так писал Дж. Оруэлл в эссе «Политика против литературы: анализ «Путешествий Гулливера»³⁹. Обыкновенный мужчина сорока лет с двумя детьми, типичный путешественник, который иногда обращается в глупца, то похваляясь принадлежностью к Британии, то смакуя каждую скандальную сплетню о стране, которую, как он утверждает, горячо любит – в конечном счёте Гулливер приходит в ужас от рода человеческого и предстаёт перед нами как некий далёкий от религии и гуманности отшельник, единственная мечта которого сводится к жизни в каком-нибудь забытом и безлюдном месте и размышлению о добродетельных гуигнгнамах (как мы выяснили, добродетельных с большой оговоркой). По мнению Оруэлла, цель Свифта полностью сводится к критике человека — представлению его смешным существом ростом в шесть дюймов. Буквально физическая нетерпимость Свифта к человеческому очевидна, но Оруэлла не оставляет мысль, что Свифт сам принадлежал к не добившейся успеха партии, и именно из этого проистекает стремление последнего постоянно обличать человеческое высокомерие, вставлять в текст речи, направленные против лордов, придворных фаворитов и политиков — получается, что всё это имеет весьма ограниченное значение. Иными словами, по мнению Оруэлла весьма пессимистическую критику человеческого общества, с его сочетанием мелочности и величия души, республиканизма и авторитарности, любви к

---

³⁹ Оруэлл Дж. Проза отчаяния и надежды: Роман, сказка эссе. Пер. с англ. – Л.: Лениздат, 1990. – с. 359

логике и отсутствием любознательности, — всё это в случае Свифта определяет политическая подоплёка. В «Путешествиях...» Свифт не просто выступает с критикой Англии, вигов и войны с Францией, но и даёт весьма резкую отповедь тому, что впоследствии будет названо тоталитаризмом. «У Свифта есть потрясающе чёткое предвидение «полицейского государства», которое преследует мираж шпионов, где непрестанно охотятся за ересями и проводят процессы над предателями нации, и всё это для того, чтобы нейтрализовать недовольство широких масс, обратив его в военную истерию».⁴⁰ Действительно, в одной из глав произведения мы будто попадаем в самый эпицентр репрессивных чисток: «В королевстве Трибния, именуемом туземцами Лангдон ... Костяк населения состоит едва ли не сплошь из Сыщиков, Свидетелей, Доносчиков, Обвиняемых, Обвинителей, Понятых, Присяжных...»⁴¹ Действительно, атмосфера этих глав кажется очень знакомой. За всем этим «избирательным дурачеством» стоит следующая мысль: тоталитаризм направлен не только на то, чтобы заставить людей думать надлежащим образом, но и попросту ограничить их сознание. «Свифтовское описание вождя, царящего над племенем йэху, и «фаворита», который сначала исполняет грязную работу, чтобы затем стать козлом отпущения, на редкость хорошо вписывается в наше собственное время»⁴². Покуда в мире гуигнгнмов царит Разум, они почти не знают разногласий ни по одному вопросу. Лишь один вопрос обсуждался благородными существами — дальнейшая участь йэху. В остальных же случаях поводов для споров попросту не было, настолько для этих существ была самоочевидна (или непознаваема) истина. Похоже, что слово «мнение» вообще отсутствовало в их языке, равно как и не проявлялось никаких различий в их чувствах. С определённой точки зрения именно таков предел тоталитарного устройства общества, при котором

---

⁴⁰ Там же. — с. 369

⁴¹ Свифт Дж. Путешествия Лемюзля Гулливера. — М.: Правда, 1979. — С. 190

⁴² Там же. — С. 369

конформизм настолько вездесущ, что отпадает даже всякая надобность в контролирующих органах власти.

В то время как Оруэлл признает, что моральное и политическое мировоззрение Свифта вызывает у него резкую враждебность, он не перестаёт восхищаться «Путешествиями Гулливера», и аллегория четвёртой части оказывается близкой ему неспроста. О политических целях литературы Оруэлл размышлял задолго до написания сатирической повести-притчи «Скотный двор». В эссе «Почему я пишу», говоря о политических целях литературы, он заметил, что «слово «политические» используется в самом широком значении. Желание куда-то подтолкнуть мир, повлиять на представление людей о том, какого общества следует добиваться. И опять же, не бывает книг, абсолютно лишённых политических пристрастий. Тезис о том, что в идеале искусство не имеет ничего общего с политикой, - сам по себе политический подход».⁴³ Известно выражение о Руссо, который был «lover of his kind and a hater of his kindred».⁴⁴ Оно же может быть применено и к Оруэллу. Это далеко не единственная точка соприкосновения во взглядах двух авторов, но именно она подчёркивает моральную непримиримость с бесчеловечной деятельностью человечества. Разница лишь в том, что Руссо обратился к теории, дабы определить собственный план нравственного совершенствования человека, Оруэлл, в свою очередь, обратился к художественному образу, через сферу воображения стремясь способствовать моральному пробуждению. Так изданная в 1945 году антиутопия «Скотный двор» изображает изменение социального устройства жизни животных, изгнавших с фермы, изначально называвшейся «Усадьба», её жестокого управляющего мистера Джонса. Эйфория от наступившей свободы постепенно сходит на нет по мере того, как устанавливается диктаторский

---

⁴³ Оруэлл Дж. 1984: Роман, сказка, эссе / Пер. с англ. – М.: Изд-во Эксмо, 2002. – 448 с. (Серия «Двадцатый век»). – С. 403

⁴⁴ Craig L. Carr. Orwell, Politics, and Power. – Bloomsbury Publishing USA, 2010. – P. 16

режим свиньи по кличке Наполеон. Так происходит перерождение и вырождение изначально возвышенных революционных принципов и программ, а идея всеобщего равенства и построения утопии сменяется диктатурой и тоталитарным режимом. Перед нами очередной пример критики человеческих систем и их законов, заключённой в не-человеческом образе животного, только на этот раз политическая заряженность аллегии более очевидна, поскольку сюжетное развитие повести и система персонажей явно отсылают к революции 1917 года и последующим историческим событиям России. Видение Карла Маркса в этом случае было обращено в уста старого борова: он донёс собственную мечту о свободе скота от людских угнетений и о воцарении основанного на равенстве и свободе царства животных. Случай этот, как нетрудно предположить, не единственный.

3.2. «Скотский бунт» Н.И. Костомарова

В 1880 году известный русский историк и публицист, Н.И.Костомаров пишет очерк с красноречивым названием «Скотский бунт», напечатанный посмертно в 1917 году (подзаголовок звучит как «Письмо малороссийского помещика к своему петербургскому приятелю»). Мощной живости этого сюжета и эффекту присутствия способствовало сочетание традиционного повествования с введением диегетического нарратора (человека, выступающего и в качестве рассказчика, и персонажа) и приёма остранения, аналогичного тому, что использовался Толстым в повести «Холстомер». Рассказчик описывает случившийся в его поместье бунт скота и подавление одного удивительным мудрецом по имени Омелько. Последний обладал уникальной способностью не только понимать язык животных, но и общаться с ними. Автор изначально отмечает проникновенное доверие героя по отношению к «не-человеческим» живым существам: «поедешь ночью, дорогу плохо знаешь и собьешься, ищешь-ищешь, не находишь; тогда коню

своему дай волю, он сам лучше найдет дорогу и привезет тебя, куда нужно».⁴⁵ Мы вновь сталкиваемся с аллегорией неповиновения подчинённых своим властям — бунтом подневольного скота и домашних животных. Рассказчик специально подчёркивает тот факт, что бессловесность животных ещё не означает их неразумность. Агитационному призыву оруэлловского борова в этом случае соответствует речь бугая — вола, отличавшегося так свойственной человеку “неукротимой страстью волновать без всякой прямой цели”⁴⁶, желанием смуты ради смуты. Спокойствие приедаётся этому виду, им свойственна потребность в буре, причем они преисполнены гордости от того, что во главе мятежа стоят именно они:

«Братья-волы, сестры и жены-коровы! Почтенные скоты, достойные лучшей участи, чем та, которую вы несете по воле неведомой судьбы, отдавшей вас в рабство тирану-человеку! Долго, — так долго, что не нашей скотской памяти прикинуть, как долго, — пьете вы ушат бедствий и допить его до дна не можете! [...] Прекратим же все наши междоусобия, все несогласия, подающие к междоусобиям поводы, и будем каждую минуту помнить, что у всех нас один общий враг и утеснитель”⁴⁷.

Уже вскоре после того, как «вся тварь домашняя», включая лошадей, коз, овец, свиней и птиц, внемлет призыву рогатого скота ополчиться против «двуногого злодея», речь рассказчика становится всё более ироничной. Приняв вызов бугая и стремясь присоединиться к его «ополчению», остальные животные опрометчиво пускаются перепрыгивать через овраг, куда многие благополучно проваливаются, испуская «какое-то глупо-демократическое блеяние». Подчёркивается и непостоянство во взглядах животных: так, например, домашний кот в критическую минуту опасности от повстанцев готов сыграть такую роль, «какую когда-то сыграл Мазепа с

---

⁴⁵ Костомаров Н.И. Скотской бунт. Первая публикация: журнал «Нива». 1917 г. — URL: http://orwell.ru/library/others/Skotskoj_Bunt/. - Дата обращения: 20. 03. 2017

⁴⁶ Там же.

⁴⁷ Там же.

Петром Великим»⁴⁸. Восстание хоть и носило характер ужасающий и всеобъемлющий (подробно описана жестокость животных, большая численность их войска, то, как они принялись разорять огороды и помещичьи комнаты), ритм текста быстр и весел, а герои-люди не теряют самообладания и уверенности в своём превосходстве над животными, хотя помещик и забирается на голубятню для пущей безопасности. Наконец, сквозь остранный через образы животных взгляд на мир прорывается скептическое отношение к бунту со стороны двуногих властителей мира сего. Так Омелько с лёгкостью объяснил курам, что, видно, так уж угодно природе, что человеку надобно то скот оберегать и кормить, то его резать. Да и рассказчик, пересказывая точку зрения мудреца Омелько, говорит, что в целом бунт не должен был длиться долго: после того, как бунтующие натешатся так называемой волей, они сами между собой передерутся, и, хоть и попортят поля, большей частью хлеба всё равно не овладеют, ибо дело, согласно сюжету, близилось к осени. И, действительно, дальнейшее развитие событий оправдало предсказания мудреца, и животные, видя, что им уже не хватает пропитания, отрезвились от обольстительных увещаний бугая о вольности и вместе с добровольно стали возвращаться на хозяйский двор; пришёл с повинной головой и сам бравый предводитель восстания.

“Так окончился скотский бунт у нас, явление необыкновенное, своеобразное и, сколько нам известно, нигде и никогда не слыханное. С наступлением зимнего времени все успокоилось, но что дальше будет — покажет весна. Нельзя поручиться, чтоб в следующее лето или когда-нибудь в последующие годы не повторились виденные нами чудеса, хотя благоразумный и бдительный Омелько принимает самые деятельные меры, чтоб они более у нас не повторялись”⁴⁹.

---

⁴⁸ Там же.

⁴⁹ Там же.

3.3. От Костомарова к Реймонту и Оруэллу

Последующие годы не преминули наступить, и действительные исторические события со всей очевидностью продемонстрировали правдивость воображения историка. Как оказалось, новым звеном в ряду “животных” аллегорий революции 1917 года стала не притча Оруэлла о “Скотном дворе”. В 1924 году польский писатель, лауреат Нобелевской премии по литературе пишет своё последнее произведение “Бунт”. Примечательным его сходством с текстами как Оруэлла, так и Костомарова становится не только знаковое название но и тот факт, что книга сразу была признана критиками своего времени метафорой большевистской революции, и, как следствие, запрещена в печати в коммунистической Польше практически сразу после публикации и вплоть до 1989 года. Несмотря на то, что известен изданный в первой половине 20-го века перевод этого произведения на немецкий язык, есть неточные основания предполагать, что британский писатель Дж. Оруэлл не имел возможности ознакомиться с ним, что не может не натолкнуть на мысль об омонимичности этих текстов.

Обратимся к сравнению сюжетных схем и систем персонажей произведений Оруэлла и Реймонта (см. *Приложение 1* и *Приложение 2*). Сразу необходимо сделать оговорку о жанровом своеобразии каждого из них. Если в случае “Скотного двора” всё ясно – жанр сатирическая повесть-притча (a fairy story) указан тут же на обложке книги, куда менее очевидно обстоят дела с Реймонтом. В оригинальном варианте «Бунт» занимает около двухсот страниц, чуть больше – в немецком переводе. Сюжетообразующую роль выполняют более пяти персонажей, события происходят в хроникальной последовательности, и создаётся ощущение, что последние играют для автора более значимую роль, нежели манера изложения повествования. Все эти наблюдения предполагают принадлежность текста к романному жанру реалистической традиции. В то же время есть основания

вспомнить и о повести. Произведение эпически полно даёт представление о характере главного героя – пса по имени Рекс; отношение автора к изображаемым явлениям выражено сильнее, чем могло бы быть в романе. Хотя фабула «Бунта» представляет собой широкий отрезок времени, в тексте события представлены сжато, таким образом, что иногда установить время, пропущенное между ними, практически невозможно: оно вынесено за скобки сюжета. От главы к главе у читателя создаётся ощущение синопсиса потенциального романа со свойственными ему сюжетными перипетиями и вставками. Вот почему на основании этой жанровой промежуточности представляется справедливым условное использование термина «повесть».

Возвращаясь к содержательной составляющей «Бунта», сходство со «Скотным двором» (да и «Скотским бунтом») как будто бы налицо. Как и в предыдущих примерах у Реймонта описывается восстание животных на ферме для становления равноправия. Действие вновь начинается с барского двора, хотя восставшие быстро перемещаются в ландшафты дикой природы. В этом заключается одно из ключевых отличий: в случае этой повести, животные не стремятся завоевать цивилизацию людей и построить на их территории собственное государство, с четко выработанной системой законов и знаков, включая символическую атрибутику нового общества. В тексте ни разу не встречаются столь значимые для Оруэлла заповеди, призывающие животных к новому порядку, знамёна, гимны или, скажем, разделение зверей на комиссии, комитеты и ассоциации. Участники бунта в принципе меньше стремятся овладеть навыками человека: хотя они и общаются между собой, подобно людям, и даже общаются с одним человеком (мальчиком-сиротой по имени Немой, отдалённо напоминающим персонажа Омелько у Костомарова), вопреки буквально человеческой способности Рекса к рефлексии, здесь животные не учатся читать, писать или ходить на задних ногах, не спят в кроватях, не слушают радиоприёмник, не читают газет и уж тем паче не употребляют алкоголь. Их цель – стать свободными, подобно диким животным (дешифруя аллегорию, подобно

«естественному человеку» в понимании Вольтера или Руссо), хотя причины и установки восстания схожи. В каждом случае угнетённые жалуются на своё унижительное положение и жизнь, проходящую в тяжком труде и страхе смерти, в любую минуту ожидаемой от человека. У Реймонта несчастье это шире: оно не ограничено изгородью господских угодий и простирается далеко за рамки социума, в своей несправедливости оно охватывает весь мир. Природа сопереживает стремлению живых существ к свободе: «жаловалась даже сама земля, от неё были слышны проклятия, тоже самое было слышно из лесов и воды, и ото всюду, всем миром неслись не умолкающие отголоски несчастья. Вся земля и воздух были пронизаны человеческой жестокостью...»⁵⁰ При этом несправедливость, царившая испокон веков в иерархии отношений человека и подчинённой ему скотины сравнивается с естественной борьбой за выживание, происходившей каждую минуту во всём мире, будь то крик убегающего от лисы зайца или плачь коровы по своим телятам. И всё же, с образом свободы в повести ассоциируется именно лесная чаща – точнее, весь мир, простирающийся далеко за пределы загона.

В каждом случае у восстания есть свой зачинщик. Так образ борова по кличке Наполеон в оруэлловском варианте подчинён чёткой идеологии конкретной исторической личности. После захвата Наполеоном персоналистской власти начинает развиваться культ его личности – отсылка к фигуре И. Сталина (в меньшей степени к Наполеону Бонапарту) очевидна. Куда более многогранным представляется Рекс. Главные персонаж повести «Бунт» рефлексивен и незакончен. Несмотря на то, что ему не в меньшей степени присуща сила и властность волевого предводителя восстания, его идеолога и полководца, психологическое состояние этого героя по-человечески изменчиво. Мы видим, как в начале повести он глубоко

---

⁵⁰ Здесь и далее текст приводится по изданию: Reymont W.St. Die Empoerung: Eine Geschichte vom Aufstand der Tiere / Dritte Auflage. – Bazel: Im Rhein-Verlag, 1925. – S. 15 (Перевод с нем. – С.А.)

переживает свою отверженность хозяевами (раньше он жил во дворе, где каждому был товарищем, а мог и развалиться на коврах, где все его гладили, а он готов был выполнить любое указание человека. «Как это случилось, что он теперь без хозяина, и такой жалкий?»⁵¹). Рекс то предстаёт перед нами оглушённым идеей обретения первозданной свободы и превращения себя и других домашних животных в диких и независимых, то вдруг прозревает и осознаёт всю ошибочность этой затеи: «Человека мы не сможем уничтожить, - объявил он с уверенностью. – Как невозможно вызвать ночь среди бела дня. Но мстить – это право любого, кто страдал. Я знаю двуногих, они нагие, жалкие, без клыков и когтей, но они страшнее всего! В их головах необъяснимая сила! Можно против них бунтовать, но невозможно их победить»⁵². Умеющий посмотреть на мир с разных углов зрения, способен он и к человечности как состраданию (хотя и всячески пытается скрыть эти качества). Таков пёс в момент кровавой битвы между волками и людьми, когда он не может бесстрастно смотреть на смерть людей и призывает волков отступить. Наконец, ему не чужды чувства дружбы (со сторожевым псом Кручком, домашним попугаем, мальчиком) и любви (к прекрасной белой борзой) – привязанности, ни разу не отмеченные в образе Наполеона. Персонаж Реймонта по-толстовски глубоко диалектичен в отличие от борова в «Скотном дворе», как вполне очевидного знака конкретной эпохи.

Хотя свиньи в повести «Бунт» и заявляют о себе как о первооснове мирового порядка («На свиньях опирается вся правда мира, его спокойствие, лад и здравомыслие»⁵³), здесь им отведена скорее вторичная роль. Они долго не принимают призыва Рекса к свободе, их натура сопротивляется идее бунта и присоединяются к восстанию скорее нехотя. Притча Оруэлла со всей очевидностью наталкивает на мысль, что каждому образу свиньи

---

⁵¹ Там же. – S. 14

⁵² Там же. – S. 110

⁵³ Там же. – S. 98

соответствует человеческий прототип: Старый Майор – Маркс/Ленин, Наполеон – Сталин, Сноуболл – Троцкий, Визгун – Молотов. У Реймонта свинья выступает собирательным образом справедливости и закономерности складывавшейся испокон веков иерархии между властителями мира сего и их подчинёнными, человеком и животным: «Мир устроен очень мудро, и каждый должен быть на своём месте и слушать, что человек ему прикажет». - Молчи, а то тебе выпущу кишки. И помни, что при свиноматках мы не говорим о смерти. Это наша тайна. Это добровольная жертва, которая отдаётся за существование нашего вида, так что быстро уходи отсюда и обходи нас издалека, ты, глупый преглупый пёс»⁵⁴. Образ этот лишний раз наталкивает читателя на вопрос, с мудростью или конформизмом в этом случае он имеет дело? Ответ на него впоследствии даёт финал повести польского писателя.

Однозначными героями-конформистами в случае каждого произведения выступают овцы. В обоих текстах они оказываются самой манипулируемой частью населения, обладают слабыми умственными и критическими способностями и с лёгкостью выполняют любые приказы, будучи поработщёнными страхом перед выше стоящими, будь то человек, или предводитель животного восстания. Сходная роль отведена коровам с той лишь разницей, что в иерархии самого восстания (или общества нового социалистического типа у Оруэлла) они занимают чуть более высокое положение и руководят овцами и баранами. Осёл в каждом случае вызывает дружескую симпатию остальных животных по отношению к нему. И у Оруэлла, и у Реймонта он не принимает активного участия в революционном движении и старается держаться в стороне. Однако значение его в текстах разное: первом случае он представляет собой интеллигенцию, во втором – это, напротив, классический символ смирения страха, о котором несчастный герой всё время кричит. Наконец, нельзя не удостоить вниманием лошадей – одних из ключевых в своей символичности образов Оруэлла и Реймонта.

---

⁵⁴ Там же. – S. 98

Кобыла Кlover в «Скотном дворе» выделяется среди многих «однобоких» персонажей притчи, покуда ей свойственна способность к рефлексии, сродни самосознанию Холстомера: она чуть ли не единственный член нового общества, который помнит изначальные утопические цели восстания, замечает их разницу с результатами бунта, но остаётся преданной Наполеону. Вполне очевидны образы коняги по кличке Боксёр, олицетворяющего стахановское движение, и кобылы Молли – любительницы ленточек как признака роскоши и в целом напоминающей читателю тех, кто эмигрировал из советской страны. Опять же, не столь конкретна аллегория лошади у Реймонта. С одной стороны, это самые обычные крестьянские клячи, которые при этом обладают незаурядным умом («хитрые и в меру ленивые») и долго с недоверием относятся к агитации Рекса. С другой - эти персонажи могут выступать в качестве характеристики определённых членов действительного человеческого социума. Интерпретация этого образа в повести усложняется в тот момент, когда лошадь превращается в фантасмагорическую фигуру. Таков эпизод смерти мальчика по имени Немой, о котором будет сказано дальше, где появляется чёрный жеребец, уносящий ребёнка в мир иной. Романтический, эсхатологический образ лошади, соединяющей мир земной с потусторонним, выводит повесть не просто за рамки оруэлловской сатирической аллегории, но и реалистического произведения в целом. В разных трактовках в зависимости от масти лошади зависит смысл этого символа. Это и солнечный символ жизни, и хтонический образ, символизирующий смерть (в случае вороного коня). Она же – воплощение гордости и стремления к владычеству. Скрытая противоречивость символа наглядно представлена в разных образах у Реймонта от рыжих хитрых кобыл в господском загоне, до чёрного жеребца, уносящего Немого⁵⁵. Вновь мы приходим к выводу, что у Реймонта чёткая система персонажей, отсылающая нас к историческим событиям 1917 года не

---

⁵⁵ Словарь символов : [иллюстрированный справочник: пер. с фр.] / Надя Жюльен. - М. : Урал, 1999. – С. 223

складывается, и аллегория революции здесь не столь знаковая, как у Оруэлла.

В этой связи немаловажным представляется значимость диких животных и природы в целом для Реймонта. Пейзажные описания здесь не просто встречаются (в отличие от Оруэлла, где они отсутствуют полностью) в повести «Бунт», но присутствуют в изобилии. В каждом случае состояние природы соответствует состоянию восставших: «Жаловалась даже сама земля, от неё были слышны проклятия, тоже самое было слышно из лесов и воды, и ото всюду, всем миром неслись не умолкающие отголоски несчастья. Вся земля и воздух были пронизаны человеческой жестокостью, на пирамиде трупов он устанавливал ион своей силы»⁵⁶.

Поводом для бунта становится не жалкое положение Рекса в начале повести, но услышанная им в чаще журавлиная песня о райских землях – рапсодия о далёких путешествиях и закатах, где нет человека. Журавль издревле считался символом просвещённости в таинства мироздания, мудрости и очищения⁵⁷. «Утихли все битвы и погони. Лес был обездвижен и заслушался, очарованный песней, доносящейся с тишины, магией неутомимой мечты. Словно какое-то бессмертное дыхание тоски их собрало вместе, все эти невольничьи души, и уносило глубокие раздумья будущих жизней. Перед нами аллегория утопии, которая через главного персонажа побудила тысячи жизней к бунту. Особенность заключается в её естественности: идея свободы выведена не посредством человеческих концепций – она разлита в самой природе. Аналогичный образ представлен в притче «Скотный двор» в проповеди ворона Моисея, который не раз был замечен за распространением слухов о некой стране, куда после смерти якобы попадают все животные и где каждый день – это воскресенье, и клевер растёт круглый год. Такова аллегория религии, гонимой коммунизмом. Если

⁵⁶ Reymont W.St. Die Empoerung: Eine Geschichte vom Aufstand der Tiere / Dritte Auflage. – Bazel: Im Rhein-Verlag, 1925. – S. 16

⁵⁷Словарь символов : [иллюстрированный справочник: пер. с фр.] / Надя Жюльен. - М. : Урал, 1999. – С. 138

у Оруэлла это лейтмотив ненужных навязчивых идей в стане восставших, у Реймонта песня о журавлином рае становится знаком свободы и чаяний участников бунта. Немаловажным представляется тот факт, что повесть «Бунт» начисляет десятки персонажей-птиц: начиная от домашних и заканчивая полумистическими журавлями (кстати, именно последние судят свору Рекса которая нарушила закон леса, убив без нужды). Традиционно в фольклорных эпосах разных народов мира крыльями наделяется тот, кто преодолел долгий, трудный и опасный путь. Не менее сильно на Рекса подействовал спор с Филином: мудрец чащи поведал ему о том, что в дикой природе нет королей, и всюду правят мудрые и вечные законы, переступить которые – психология рабов, выученных палкой и голодом.

Предводитель волков выступает в повести в качестве антипода Рекса. Изначально единомышленники, они всё больше расходятся во взглядах в ходе движения восставших на юг, проявляя разную природу и подчинённость различным её законам. Особенно любопытным представляется образ предводителя стаи волков, вместе с которым Рекс возглавляет восстание. Один и тот же персонаж называется в тексте то волком, то койотом, что, опять же, подчёркивает двуличие этой натуры. Издревле волк символизирует разрушительную силу солнца, а в сказках и легендах он обычно олицетворяет кровожадность, вышедшую из-под контроля, присутствует в качестве лицемерного искуителя. С другой стороны, койот отсылает нас к упомянутому выше герою-трикстеру (вспомним его медиальную функцию в мифе, описанную К. Леви-Строссом). Хитрый и лукавый, он выступает посредником между Рексом, выращенным в господской усадьбе, и дикой первобытной природой.

Другой не менее значимый персонаж-посредник в повести – немой мальчик. Подобно герою Омелько у Костомарова, он способен общаться и с людьми, и с животными, и даже с куклой, которую он находит во время паломничества восставших к раю и которую пытается оживить нужными словами. Немой – изначально не просто соратник, но и ближайший друг

Рекса: вместе они «одинаково избиты, одинаково несчастны». В обществе людей мальчик не находит себе места: лишённый способности разговаривать, сирота был рождён по пьяни и подброшен однажды на кухню того же дома, где жил Рекс. «Его вынянчила и воспитала бедность, презрение и неуважение. Каждый пинал его и причинял ему боль, считая его уродливым созданием. Лицом он был похож на бульдога, ноги у него были костлявые, на голове рыжая шерсть, руки опадали до земли, как у обезьяны, вместо голоса у него был жабий скрежет, и были только удивительной красоты глаза, голубые, лучистые и умные»⁵⁸. Он был выпихнут ко дворовым зверям и сжился с ними, как с родными. Мальчик соглашается на просьбу Рекса принять участие в революции, хотя соседство с волками с самого начала противно его природе. И он, и волк – до поры до времени выступают медиумами между двумя мирами господствующих и угнетённых, но каждый в конечном счёте остаётся верен своей натуре: волк дикой и кровожадной, Немой – человеческой и сострадающей. Проявляется это, в первую очередь, в самом начале бунта в сценах открытых нападений животных на людей. В притче «Скотный двор» в момент схватки людей и бунтующих зверей авторская сатира доведена до предела: Сноуболл всем своим весом сбивает мистера Джонса с ног, тот валится в кучу навоза, а кошка внезапно прыгает на плечи скотника и врывается к нему за воротник, после чего люди пускаются наутёк со двора, преследуемые клювами гусей. Куда более беспощадна в своей натуралистичности сцена нападения волков на жилище людей, когда Рекс и Немой запрещают волкам есть человеческое мясо и призывают их к отступлению. Обоим было больно от отчаянных криков людей, будящих в них болезненные уколы совести. Другой эпизод – неудачная попытка людей поджечь лагерь восставших и гибель первых от огня. Мальчик предаёт своих соратников-зверей и кидается на помощь представителям своего рода: «Он плакал над людьми. В нём проснулась

---

⁵⁸ Reymont W.St. Die Empoerung: Eine Geschichte vom Aufstand der Tiere / Dritte Auflage. – Bazel: Im Rhein-Verlag, 1925. – S. 187

душа, и человеческие несчастья владели его сердцем. И хотя, он сам значил для них гораздо меньше, чем его друг Кручек, он почувствовал в своих палачах родных братьев». Рекс прогоняет мальчика из своего отряда, вернее, отправляет на верную гибель. Незадолго до этого Немой заходит в дом в одном из сожжённых городов. Он примеряет на себя роль хозяина дома, надевая дорогую одежду, которую прежде ему никогда не доводилось носить. Здесь же он находит шкаф с игрушками: на полках сидели медведи, кони, барашки, белочки, а в самом углу сидела прекрасная кукла размером с пятилетнего ребёнка. «Он готов был поклясться, что она живая, и глядя в неё что-то пробормотал. Она ему улыбнулась, его объял страх и схватил его за горло. Он отошёл немного, и волосы встали у него на голове. Он не смел двинуться, не смел вздохнуть, душа ушла в пятки. Он упал на колени, и сложив руки, молился на неё, со стоном обожествляя её, бормоча невыразительно слова»⁵⁹ (кукла – лейтмотив произведения, глазами Рекса во введении мы видим, как маленькие наследницы держат в руках куклы). Он выбежал в ночь лунную и тихую и вдруг впервые закричал (какой это был язык, автор не уточняет): «Заколдована! Чтобы только найти это необходимое слово и сказать ей! И тогда она оживёт! - в горячечном бреду повторял он, воображая себе, как он расколдует её и приведёт к отцу-королю, а тот за это отдаст её ему в жёны. И он будет весь в золоте и серебре. Он будет хозяином ещё более важным, чем его предок. И так, мечтая, он уснул. Однако что-то кричал сквозь сон и скинул с себя ботинки, которые пекли ему ноги. А на рассвете резко сорвался с кровати»⁶⁰. Уже будучи в изгнании, он находит нужные слова («Иисус» и «Мария»), которые не просто оживляют куклу, но призывают чёрного жеребца, что сквозь снежные дали уносит их в мир иной. Романтические мотивы (луна, кукла, подчёркнутая красота глаз, чёрная лошадь) лишний раз наталкивают читателя на мысль о существовании мира высшего, который примирит станы господ и угнетённых.

---

⁵⁹ Там же. – S. 191

⁶⁰ Там же. – S. 205

Сцена гибели Немого отмеряет спад воодушевления в отряде восставших. Голод измучил стадо так, что никто не мог разделить с Рексом его радость о приближающихся райских землях. Природа вновь коррелирует с состоянием персонажей: это крошечная тьма, постоянная ночь, холод, ветра и туман. Стоило солнцу засеять, как звери увидели друг друга – измождённые и грязные – и вид этот заставил их почувствовать себя ещё более несчастными. День обнажил их плачевное состояние и поселил в их душах ещё более горькую печаль. В ночи они позабыли себя, и теперь их жалкие тела тяготили их, и каждый почувствовал себя обделённым. Новый страх за себя и гнев по отношению друг к другу вылился в гражданскую войну в обществе, которым руководил Рекс⁶¹. Он же был забит копытами тех, кого сам же призвал на пути к свободе. Подобного не происходит в притче «Скотный двор», хотя и здесь бунт приводит к плачевным последствиям: животные не менее измождены и напуганы, но избавиться от культа личности своего вождя в этом мире животные не в состоянии. У Оруэлла в конце свиней нельзя отличить от людей, а людей – от свиней (на смену одним рабам и властям пришли новые, и они не лучше прежних). У Реймонта животные убили своего предводителя, снова начали искать своих прежних властителей тогда, когда рай был так близок. Но нашли они обезьян, которых приняли за своих новых господ. Таково слепое счастье стада, не замечающего, что новая власть оказывается хуже прежней.

Вывод, следующий из сравнения сатирической притчи Дж.Оруэлла «Скотный двор» и повести В.С.Реймонта «Бунт» - возникновение эффекта «кривого зеркала». Казалось бы, в каждом случае мы имеем дело с критической метафорой большевистской революции 1917 года. Однако аллегория, представленная Реймонтом простирается далеко за пределы социальной антиутопии. Если у Оруэлла каждому персонажу соответствует реальная историческая личность, герои повести Реймонта представляют собой собирательные образы бунтующих, революция скорее представлена

---

⁶¹ Там же. – S. 247

как явление, в целом противное живой натуре и не приводящее в конечном счёте ни к чему, кроме пущего закабаления и несчастья. В каждом случае мы имеем дело с критикой человеческого общества, представленного через образы животных, в каждом вспоминаем об опубликованном накануне двадцатого столетия трактате «Генеалогия морали» Ф.Ницше с его знаменитым понятием ressentimentного сознания. Такие явления, как добро и мораль, по Ницше, исходят от сильных и могущественных, которые в силу своих незаурядных способностей к критическому мышлению знают что к чему. Добро изначально не было связано с альтруистическим началом. Затем стало происходить восстание «рабов морали». Последним свойственен так называемый ressentiment – чувство озлобленности, ненависти, зависти, обращенное на себя самих, связанное с немощью и бессилием. Восставшие рабы морали создали ressentiment, который и лежит в основе любой революции. Фактически переворот получился успешным, так как то, что сейчас считается моральным, было порождено ressentimentом. Вытесненная ненависть – это месть людей бессильных. Бессилие названо добротой, смирение – подчинением, терпимость – неспособностью защищаться. После двух тысяч лет борьбы аристократов и рабов морали вторые выиграли и в результате мы сейчас имеем соответствующие моральные ценности.

Конфликт в сатирической повести Оруэлла явно позволяет проводить аналогии с классическими ницшеанскими революционными оппозициями «хозяин-раб», «барин-крепостной», «феодал-вассал». Цель восстания фактически оправдана: выработана новая мораль восставших рабов, образована новая цивилизация, хоть и до боли напоминающая прежний мир (свиней невозможно отличить от людей, и наоборот). Бинарные оппозиции в повести «Бунт» невозможно выявить столь чётким образом. Следует это, с одной стороны, из составления психологического портрета главных героев – Рекса и Немого. Они не однозначны и не линейны, оба, хоть и находятся в ущемлённом рабском положении, обладают ярко выраженными способностями к критическому мышлению и рефлексии. Им свойственна не

просто тупая воля к бунту – напротив, они постоянно сомневаются. И хотя оба в конечном счёте склоняются противному всему существу революционному пути достижения сокровенной свободы и погибают, обрекая при этом на смерть множество других живых существ, обоих сложно назвать закабалёнными рабской моралью. Аллегория человеческого бунта не получается прямолинейной и вследствие фантасмагорических моментов, связанных с одушевлённостью природы и присутствием в цивилизации человеческого общества и животных мира иного и непостижимого, посредником с которым служит образ Немого мальчика. В своём безмолвии и сопротивлении насилию он, точно исихаст, соединяет разом все миры – и человеческий, и животный, и божественный. В «Скотном дворе» бинарная оппозиция знакова, спрятана под слоями великих европейских теорий и идеологий Нового времени – теория Ницше только одна из них. Зная их, извлечь суть аллегории не представляется трудным. В случае Реймонта скорее напрашивается образ «Простодушного» Вольтера. Только в данном случае мы имеем дело не с изначально обнулённым в своём естестве существом, но с теми, кто, как ни крути, из поколения в поколение формировался как скот. Вот почему идея бунта заведомо обречена на провал.

Таким образом, «Скотный двор» оказывается омонимичным «Бунту»: при лежащих на поверхности сходствах между этими двумя произведениями и их общем нравственном послы, текст Оруэлла, как и «Путешествия...» Свифта подчинён чёткой знаковой системе; в повести Реймонта мы имеем дело с незнаковым, панпсихическим суждением о знаковости, сближающего это произведение с повестью «Холстомер» Толстого. Реймонт и Толстой эпичные, подобно Гомеру; Оруэлл и Свифт знаковые и трагичные, подобно Еврипиду.

3.4. “Трудно быть Богом” А. Германа

В то время как идея текстовой омонимии всё это время описывалась в рамках системы координат литературы XVIII и XIX веков, аналогии с ней можно найти и во времени, приближенному к сегодняшнему дню, чему свидетельством служит, например, повесть братьев Стругацких «Трудно быть Богом». Речь в данном случае также может идти о вышедшем в 2014 году на российские экраны одноимённом фильме А. Германа старшего. Эти примеры позволяют коротко продемонстрировать применение омонимичного метасюжета, который может в большей или меньшей степени существовать в «отрыве» от литературного текста, захватывая всё, что оказывается в его границах: новые события, персонажи, а значит, и иные интерпретации с сохранением неизменного содержательного посыла, апеллирующего к первоисточнику. Здесь речь также идёт о бинарной оппозиции «этот мир – тот мир», только на этот раз критика человеческой системы выражается через оптику не животного, а человека – с большой оговоркой. Человек Румата отправляется на другую планету, где проживает раса таких же, с биологической точки зрения, людей, но по уровню развития их цивилизация находится на этапе Средних Веков. Мы видим идеализацию мира будущего с его представлениями о гуманизме, и людей будущего, мнящих себя, подобно гуигнгнам, нравственными ориентирами, способными быть высокоморальными личностями, и которые по уровню своего умственного и душевного развития, приравнивают себя к богам, на фоне темного и беспросветного мира, где господствует «прошное» - Средние века – со свойственным тому времени безучастием к собственной судьбе, невежеством и жестокостью. На планете Арканар стараниями министра охраны короны, дона Рэбы, личность думающая, мыслящая, грамотная была объявлена вне закона, люди стремящиеся к познанию и просвещению стали врагом

государства. Противостояние добра и зла – традиционный конфликт в художественной литературе – тут выражен в противостоянии глупой, необоснованной жестокости серых патрулей и руководящего ими дон Рэбы, насаждающего безграмотность, смиренному бессилию грамотного населения, которое всеми силами пытается спасти дон Румата.

Наиболее ярко и беспощадно омерзительность этой цивилизации передана в киноверсии. В начале был Свет. В самых первых кадрах картины показан белый пейзаж: снег прячет нечистоты и стыд планеты Арканар. Здесь книгочеев и умников топят в экскрементах. Уличные расправы стали частью повседневности, стекающая с повешенных трупов кровь или липкий дождь, или вязкая грязь. Эта картина долго не отпускает и затронув зрителя на чувственно-обонятельном уровне: смотря её, будто физически ощущаешь смрад, слышишь животное шипение, рык, хлюпанье и свист этого мира. Режиссёр делает радикальным метод «подсматривания», проникновения в сочинённое им пространство, что приводит к максимально полному художественному выражению. Как и в предыдущих случаях, он прибегает к приёму остранения, совмещая коронную натуралистичность с предельно концентрированным и усиленным гротеском, который проявляется в чудовищных гримасах и в целом в удушающей гиперболизированности. Взгляд творца остраивает крайнюю физиологичность. Здесь обычное дело – взаимоотношения в обществе – когда богачи испражняются на бедных, путы прирастают к коже, и, если, раб, приученный к ним с малолетства, освобождён, то он умирает, не способный совладать со свободой. Чёрный орден ещё не пришёл к власти, но миром уже правят серые. Как и в случае предшественников Стругацких и Германа, это страшная притча о времени вчерашнем, сегодняшнем и завтрашнем. Если поначалу кажется, что по степени мизантропии этот мир можно сравнить с человеческой цивилизацией в глазах мерина Холстомера, то в конечном счете наиболее полным соответствием представляется свифтовское изображение «йэху»: относительно высшего разума и нравственности «на противоположном

полюсе находится мир йэху. Это абсолютная не-культура, незнакомость, телесность. Йэху определяются как «неспособные к обучению». У них нет языка; им свойственны бессмысленные телодвижения и гримасы. Вновь употребляя термины Михаила Бахтина, можно сказать, что в мире гуигнгнмов господствует классическая концепция тела — красота движений и поз отдельного от вселенной существа; зловонное и грязное тело йэху — гротескное тело»⁶², - описание, которое в равной степени может быть применимо к средневековому населению Арканара.

У Руматы в сознании рисуется некий идеал, и он всеми силами старается претворить его в реальность, но, вскоре, он понимает, что это невозможно. «Теория базисного феодализма», некая идеальная модель идеального мира, снабженный которой, Румата был послан в Арканар, на практике оказалась совершенно бесполезной. Румата не оставляет попыток воззвать к разуму «людей - носителей разума», проживающих в Арканаре, но, в итоге, он понял, что его представление о людях сильно рознится с действительностью, которая его окружала.

Из внешнего конфликта вытекает конфликт внутренний, проявляющийся в феномене «двойничества». Главный признак двойничества — это субъективно-личностный момент, тут кроются философско-эстетические корни конфликта. Индивидуально-психологические проявления этого конфликта (опять же, внутренний монолог, исповедь, совесть, душевный разлад, сомнение в соблюдении норм закона) позволяет расценивать его как модель поведения в соответствии с ценностными ориентирами, что позволяет сравнить этот сюжет с произведением Толстого. Румата оказался в совершенно нечеловеческих условиях, в которых нужно быть настоящим богом, чтобы не сорваться и вести жизнь в созерцательно-сострадательном режиме. Но он, всё же, не бог, а человек, хоть и наделенный на фоне остальных жителей этой планеты, поистине божественными

---

⁶² Венцлова Т. Собеседники на пиру: Литературоведческие работы. — М.: Новое литературное обозрение, 2012. — С. 10

способностями. И главная способность его заключается в знании и понимании того, насколько несовершенен этот мир, в котором он оказался, и что в несовершенстве этом виноваты исключительно его жители. Многие проблемы прошлого так и не нашли своего решения в будущем. Несмотря на высокий уровень социального развития, человек будущего не превратился в сверх-гуманное, всепрощающее существо, постигнувшее сущность бытия, человек остался человеком, с присущими ему слабостями и пороками.

Это книга и, не в меньшей степени, фильм, убивающие всё сущее: за физическим отвращением у зрителя наступает леденящее чувство пустоты и бессмысленности любого существования, потому что дракон вновь побеждает в человеке, а серое всегда ведет к черному, как если в белую краску добавить чуть-чуть другого цвета, она никогда не станет вновь полностью чистой. Однако в конце кинокартины перед нами вновь предстаёт белоснежный экран, а значит, вопрос о возможности Возрождения человеческой цивилизации остаётся открытым. Для Толстого и Реймонта высшим идеалом оказывается жизнь в её полноте, примиряющая все противоречия, непримиримые для Свифта и Оруэлла. Смерть входит в повести «Холстомер» и «Бунт» в качестве необходимого момента возрождения, она включена в циклическое течение бытия и даёт надежду на очищение. У Свифта и Оруэлла «полярные начала человеческой природы, знаковость и незнаковость», чистый разум и природное варварство трагически разобщены. Произведение Стругацких, а вслед за ними и Германа, столь чётких ответов не даёт.

Заключение

В рамках данного исследования был сделан перевод на русский язык повести «Бунт» польского писателя В.С. Реймонта. Анализ этого произведения показал, что оно является прообразом знаменитой оруэлловской притчи «Скотный двор». Известное в лингвистике и традиционно применимое к лексическому языковому уровню понятие «омонимия» было обнаружено в одной из работ современного слависта Т.Венцлова. То, что введённое им понятие «текстовая омонимия» представляет собой закономерность было доказано на примере сюжетов классической и модернистской традиции: к первой относятся повесть Л. Толстого «Холстомер» и четвёртая часть «Путешествий Гулливера...» Дж. Свифта, ко второй – упомянутые притча Дж. Оруэлла «Скотный двор» и повесть В. Реймонта «Бунт». Вспомогательную роль при сравнительном анализе сыграли повесть Н. Костомарова «Скотский бунт» и фильм «Трудно быть Богом» А. Германа. Таким образом, перебросив невидимый мост между разными странами, писателями и эпохами, днём вчерашним и сегодняшним, произведениями знакомыми и только открывающимися читателю, литературой и визуальным кино-искусством, был обнаружен целый ряд знаковых аналогий между рассмотренными произведениями, как на содержательном, так и на поэтическом уровнях.

Была подтверждена гипотеза, что произведения, разобранные в настоящем исследовании, продолжают традиции антицивилизационных утопий, омонимичное построение сюжета каждого в большей или меньшей степени упирается в философию авторов, направленную на критику человека и общества, которое его порождает. Другая общая особенность заключается в аллегорических сюжетных ситуациях, охватывающих всевозможные параллели с реальностью. Конфликты между героями и внутренние конфликты в сознании персонажей являются основополагающим элементами

выстраивания художественного произведения. Выбор всех авторов – настойчивое, не соглашающееся на компромиссы стремление к жизненной правде, пусть и к страшной, суровой и неприкрашенной; именно на эту задачу работают предельная аллегория, панпсихизм и фантастика. Всем присущи простота, правдивость и реализм: простые герои изображены без каких бы то ни было прикрас, не лишены они и свойственных им ярко, если не сказать, гиперболизированно подчёркнутых пороков – лжи, эгоизма и алчности. В каждом случае главный посыл произведения – спасение человечества. Возможная или невозможная эволюция человека показана через его действия, которые, развиваясь, либо создают совершенную норму человеческого поведения, с присущей ей любовью к ближнему, кротостью, терпением и творческой деятельностью, либо, напротив, резкий отход от этой нормы – вражда, ненависть, страх, желание нивелировать и прочие признаки духовной деградации. Обновление общества и возрождение человека оказывается не эпизодическим явлением, а наболевшим глубоким и духовным стремлением, назревшим из-за того состояния, в котором находился и, увы, находится мир. Преображение, диалектика личности и в целом обновление человечества означает, главным образом, его освобождение от невежества, малодушия и эгоизма.

В то же время при доходящих до абсолюта сюжетных и поэтических сходствах, есть основания назвать произведения семантически обратными друг другу. Во многом аналогичные по своей системе персонажей и символичности произведения Толстого и Свифта по своей сути оказываются чуть ли не противоречащими друг другу. Первое через образ пегого мерина и человека прославляет духовность как жизненность, достигаемую через предельную одушевлённость (даже если речь идёт о несовершенстве) мира; правых и виноватых нет, человека и его критику, выраженную в образе лошади, примиряет заложенная в природе мудрость. Второе, противопоставляя низких существ йэху и благородных лошадей-гугнгнмов, во главу угла ставит высокую культуру, ригоризм и предельную знаковость

мира вторых; точка зрения Свифта оказывается куда более категоричной и мизантропической, чем у Толстого. Притча «Скотный двор» Оруэлла в своей сатирической и политической направленности родственна Свифту. Предшественником британского писателя выступил поляк Реймонт, почти за двадцать лет до публикации «Скотного двора» создавший аналогичную аллегория революции 1917 года. Однако и здесь было обнаружено немало оговорок: при практически одинаковом наборе персонажей, сюжетный перипетий и символов, посыл произведений существенно различается: притча Оруэлла, опять же, знакова покуда все её образы соотносимы с конкретными историческими событиями и лицами; символичность повести Реймонта выводит её за пределы конкретного восстания угнетённых против власть имущих, наталкивая читателя на универсальные вопросы о месте человека в социуме, природе и мироздании. Ярко выраженный в «Бунте» панпсихизм всего сущего родственен этой же философии у Толстого.

Метод рассмотрения условно названных нами омонимичными текстов оказался приёмом проникновения в глубины творческого процесса и понимания литературоведения и в особенности истории литературы. Он позволяет по-новому понять художественное наследие того или иного писателя и постичь сущность самого творения, искать которую зачастую безнадежно как в ворохе давно изученных фактов и обстоятельств авторской биографии. Концепция лишней раз подтвердила тот факт, что художник создаёт свои произведения связями совершенно иного рода, образуя органическое единство не только с ними, но и с произведениями предшественников. Контекстуальное рассмотрение текстов даёт возможность заглянуть в каждый из них, не прибегая к строгому разграничению понятий и предметов, дотошной скрупулёзности в деталях, будто бы имеющих значение для объяснения и исследования природы творческого процесса и рождающегося в нём произведения. Вопреки высказыванию Р.Барта (и, вместе с тем, учитывая его) в центре внимания должен находиться сам

творец, а его творчество есть не что иное как единственная и истинная жизнь заключённого в нём духа.

А. Солженицын в «Нобелевской лекции по литературе» писал, что нам дарована удивительная возможность: «преодолеть ущербную особенность человека учиться только на собственном опыте, так что втуне ему приходит опыт других. От человека к человеку, восполняя его куцее земное время, единая культура переносит целиком груз чужого долгого жизненного опыта со всеми его тяготами, красками, соками, во плоти воссоздаёт опыт, пережитый другими, - и даёт усвоить как собственный»⁶³.

Иными словами, всё необходимое для понимания содержится в искусстве, в его единичных и связанных между собой творениях. Остальное – величина второй степени, своего рода «приуготовление» к дальнейшему взгляду на создателя и на само его произведение. Понятие омонимии текстов оправдано, оно подтверждает существование метанарративов в литературе, что особенно актуально в эпоху, когда так распространён постмодернистский лозунг, согласно которому больших нарративов не существует. Время диктует авторам сюжеты, которые повторяются в литературе, подобно движению спирали. Художник черпает сюжеты в нужный момент, продиктованный историческим контекстом. Исследование аналогичных по сюжету и другим формообразующим методам создания текста ориентируется на созерцание сущности, не прибегая к дроблению на единичные явления; оно позволяет овладеть способностью видеть целое, исключительное и, вместе с тем, взаимосвязанное, а значит, в каком-то смысле и несущее в себе общечеловеческое значение.

Немаловажную роль в этой связи играет и изучение трансгуманизма, как способа посредством “животной” аллегории задуматься над тем, что такое человек сегодня. Казалось бы, после целого ряда ответов, данных в XX на вопрос, «что такое человек, и в чем он полагает свою надежду?», после

---

⁶³ Солженицын А.И. Нобелевская лекция по литературе. – URL: http://www.lib.ru/PROZA/SOLZHENICYN/s_nobel.txt. - Дата обращения: 08.01.2016

полемики М. Хайдеггера с И. Кантом в частности, после заявления о смерти человека М.Фуко и смерти автора Р.Барта, следовало бы успокоиться. Однако заявление о смерти человека прозвучало уже в той эпохе, которая прошла, и в ситуации двойного после – после постмодерна, беспокойство только усиливается: чёткой перспективы того, «камо грядет» современный человек, нет. Погибли боги а с ними ушли идеи, испокон веков служившие человеку ориентиром. Обрушились, как падает занавес, а за ним обнаруживая за собой обветшалый задник. Вместе с ними рухнули нравственные принципы, символы и кресты, на которых некогда висели люди. Пресловутое «после» указывает на пустоту. После революций, Освенцима, холокоста, ГУЛАГа и других потрясений ничего, кроме пустоты и не могло возникнуть. Именно, находясь в состоянии вакуума и *ничтожества* человек начинает мыслиться в качестве онтологической проблемы. В ситуации, когда *уже* или *ещё* ничего нет.

Любопытно своеобразие русского слова «человек» и его отличие от иноязычных аналогов. Особенность слова сводится к заложенному в нём ответу на вопрос, в чем же заключается идея человека. Он – существо, обращенное лицом к веку и ко времени, и быть человеком означает стать тем существом, которое вступает во взаимодействие со временем и веком. Человек сегодня снова обращается не в будущее, а в прошлое, к европейским корням – иными словами, к христианским учениям отцов и античной Греции, но специфика его иная, нежели та, которая была заявлена Бахтиным.

Несправедливо было бы заключить, что продуктом постмодернизма стал человек потерянный, ибо эта эпоха открыла новые, ещё не изученные до конца углы зрения на человека. Один из них - трансгуманизм в пространстве воображения. Описанная выше критика человеческих систем глазами не-человека в качестве культурного феномена самоопределения и становления человека подобна лекарству, способному дидактически исцелить.

В эпоху отсутствия больших нарративов и наличия атомарных личностей, остались метанарративы, которые пребывают в мировой сети как

новой среде обитания жанров. Ресурсы этой сети, несмотря на риски авторов-пользователей запутаться, могут использоваться для выстраивания нужной траектории развития. В таких условиях мы имеем дело с человеком (художником) выбирающим, поскольку выбирать – это главное занятие в сети-лабиринте. Это человек-пontiфик. Человек, «наводящий мосты» между теми или иными сюжетами (от лат. *pons* это — «мост», а *facio* — «делать» образовано слово *pontifex*, то есть верховный римский жрец).

Значение наличия омонимичных сюжетов в пространстве литературы сводится к обращению к памяти. Гамлет боялся не смерти, а не перипетий в отношениях с Клавдием и вовсе не дуэли с Лаэртом. Неизвестность после смерти, беспмятство человечества – таким был его главный страх. Он ужасался от беспмятства человечества. Покуда бытие есть память, и мы живём в ней, знание о прошлых сюжетах и их взаимосвязи с настоящим и между собой – таково оружие против страха смерти.

В завершение хотелось бы привести слова И.А. Бродского, произнесённые им однажды перед выпускниками Мичиганского университета в так называемой «Речи на стадионе»:

«Мир несовершенен; Золотого века никогда не было и не будет. Единственное, что произойдет с миром, - он станет больше, т. е. многолюдней, не увеличиваясь в размерах. Сколь бы справедливо человек, которого вы выбрали, ни обещал поделить пирог, он не увеличится в размерах; порции обязательно станут меньше»⁶⁴.

Вот почему необходимо полагаться лишь на «домашнюю стряпню» - «управлять миром самостоятельно, по крайней мере, той его частью, ... которая находится в пределах вашей досягаемости». Вот только не каждому по силам непрерывная поставка пирогов.

Стремясь к власти, взбираясь за место под солнцем человек априори наступает другим на ноги, а иногда даже встаёт им на плечи. Поэтому, может

---

⁶⁴ Бродский И.А. Речь на стадионе. – URL: <http://brodsky.ouc.ru/rech-na-stadione.html>. Дата обращения: 10.01.2016

быть, не так уж важно – повезёт нам в жизни или нет, будет ли у нас в руках нож для резки «пирога», удастся ли отрезать кусок побольше, то есть состоимся мы как люди успешные или нет, главное помнить: «...в итоге человек богаче, если он руководствуется правилами и табу, установленными кем-то совершенно неосязаемым, а не только уголовным кодексом»⁶⁵ (будь то законы нашей цивилизации, модель поведения Холстомера, йэху, гуигнгнмов, «Скотного двора», бунтовщиков Реймонта или планеты Арканар). Тогда мы состоимся, по крайней мере, как человеческие существа.

---

⁶⁵ Там же. – URL: <http://brodsky.ouc.ru/rech-na-stadione.html>. Дата обращения: 10.01.2016

Список использованной литературы

1. Барт Р. Избранные работы. Семиотика. Поэтика. Пер. с фр. / Сост., общ. ред. и вступ. ст. Е.К. Косикова. – М.: Прогресс, 1994. – 616 с.
2. Бахтин М.М. Литературно-критические статьи. - М.: Художественная литература, 1986. – 543 с.
3. Булаховский Л.А. Введение в языкознание, ч. 2 – М.: Наука, 1956. – С. 46
4. Венцлова Т. Собеседники на пиру: Литературоведческие работы / Томас Венцлова. — М.: Новое литературное обозрение, 2012. – 624 с.
5. Виноградов В.В. Исследования по русской грамматике : Избранные труды : избранные труды / В. В. Виноградов; [ред. и авт. предисл. Н. Ю. Шведова]. - М. : Наука, 1975. - 559 с. : портр.
6. Жолковский А. Пхенц на randevu: ню, меню, дежавю. – М.: Новое литературное обозрение, 2011. – С. 109
7. Когда звери говорили: Триста семьдесят пять мифов, сказок, басен, анекдотов / Сост. предисл., коммент. и указ. Е.А. Костюхина. – М.: Вост. лит., 2004. – 600 с.
8. Костюхин Е.В. Типы и формы животного эпоса. – М.: Наука, 1987. – 270 с.
9. Леви-Стросс К. Структурная антропология / Пер. С фр. Вяч. Вс. Иванова. – М.: Изд-во ЭКСМО-Пресс, 2001. – 512 с.
10. Малаховский Л.В. Теория лексической и грамматической омонимии / Отв. ред. Р.Г. Пиотровский. – Л.: Наука, 1990. – 239 с.

11. Оруэлл Дж. 1984: Роман, сказка, эссе / Пер. с англ. – М.: Изд-во Эксмо, 2002. – 448 с. (Серия «Двадцатый век»).
12. Оруэлл Дж. Проза отчаяния и надежды: Роман, сказка эссе. Пер. с англ. – Л.: Лениздат, 1990. – 429 с., илл.
13. Оруэлл Дж. Скотный двор. Эссе.: [сб., пер. с англ.] / Джордж Оруэлл. – М.: Издательство АСТ, 2016. – 256 с.
14. Платон. Федон/Пер. С.П.Маркиша//Избранные диалоги. – М.: Художественная литература, 1965. – С. 383
15. Пропп В.Я. Морфология сказки. – М.: Лабиринт, 1998. – С. 5-68.
16. Ремизова М. С. Весёлое время: мифологические корни контркультуры / М.С. Ремизова. – Форум, 2016. – 160 с.
17. Свифт Дж. Путешествия Лемюэля Гулливера. – М.: Правда, 1979. – 304 с., илл.
18. Симондон Ж. Два урока о животном и человеке. – М.: Издательство Грюндрисее, 2016. – 140 с.
19. Словарь символов : [иллюстрированный справочник: пер. с фр.] / Надя Жюльен. - М. : Урал, 1999. - 494 с. : ил. - Пер. изд. : Dictionnaire des symboles / Nadia Julien.
20. Смирнов С.А. Человек перехода: сборник научных работ / С.А. Смирнов. – Новосибирск: НГУЭУ, 2005. – 536 с.
21. Способы разграничения омонимии и полисемии в русском языке. Учебно-методическое пособие / Сост. Буров А.А., Сахно О.С. – Пятигорск: Пятигорский государственный лингвистический университет, 2009. – С. 6-7
22. Стахович С. Как писался «Холстомер». В издании: Л. Н. Толстой / Гос. лит. музей; Ред. Н. Н. Гусева. - М.: Изд-во Гос. лит. музея, 1988. – с. 10

23. Толстой Л.Н. Избранное. / Сост. Е.Н. Николин. – Л.: Лениздат, 1979. – 752 с.
24. Шкловский В.Б. Энергия заблуждения: Книга о сюжете. – М.: Советский писатель, 1981.
25. Энциклопедический словарь символов : словарь / [Авт.-сост. Н. А. Истомина]. - М. : АСТ : Астрель, 2003. - 1055 с. : ил.
26. Эйхенбаум Б. Лев Толстой, кн. 2: 60-е годы, Москва, 1931, ч. 2, гл. 4.
27. Orwell G. Animal Farm // A Fairy Story and Essays Collection. – Modern Prose, 2010. – pp. 5-131.
28. Orwell G. Shooting An Elephant // A Fairy Story and Essays Collection. – Modern Prose, 2010. – pp. 201-212.
29. Reymont W.S. Bunt. – Great Britain.: JiaHU Books, 2015. – 138 p.
30. Reymont W.St. Die Empoerung: Eine Geschichte vom Aufstand der Tiere / Dritte Auflage. – Bazel: Im Rhein-Verlag, 1925. – 297 s.
31. Deluze G., Guattari F. Becoming-Animal. In Animal Philosophy. – Hg. Matthew Calarco and Peter Atterton, - New York: Continuum, 2007. – pp. 87-110
32. DeMello M. Animal and Society. An Introduction to Animal Studies. – New York: Columbia University Press, 2012
33. Hitches C. Why Orwell Matters. – Basic Books, 2002
34. Leab D. Orwell Subverted: The CIA and the Filming of Animal Farm. – Penn State Univercity Press, 2007
35. Marc, Franz, Schriften, ed. by Klaus Lankheit, Köln 1978.

Электронные ресурсы

1. Бродский И.А. Речь на стадионе. – URL: <http://brodsky.ouc.ru/rech-na-stadione.html>. Дата обращения: 10.01.2016
2. Костомаров Н.И. Скотской бунт. Первая публикация: журнал «Нива». 1917 г. – URL: http://orwell.ru/library/others/Skotskoj_Bunt/. - Дата обращения: 20. 03. 2017
3. Пастернак Б.Л. Отрывок из переписки В.Т. Шаламова с Б.Л. Пастернаком. – URL: <http://shalamov.ru/library/24/1.html>. - Дата обращения: 08.01.2016
4. Солженицын А.И. Нобелевская лекция по литературе. – URL: http://www.lib.ru/PROZA/SOLZHENICYN/s_nobel.txt. - Дата обращения: 08.01.2016
5. Reymont V. Bunt (Revolt). – URL: https://pl.wikisource.org/w/index.php?title=Specjalna:Ksi%C4%85%C5%B4%C5%BCa&bookcmd=download&collection_id=503798c46db5f7df0b0c73d192c9a26c53fc1bbb&writer=rdf2latex&return_to=Bunt%2FCa%C5%82o%C5%9B%C4%87. - Дата обращения: 10.01.2015
6. Craig L. Orwell, Politics, and Power. – Bloomsbury Publishing USA, 2010.
- URL: <https://books.google.ru/books?id=A8KoAwAAQBAJ&pg=PA28&lpg=PA28&dq=28.+Craig+L.+Orwell%27s+Politics+and+Power&source=bl&ots=iOxcHz6zDq&sig=UoE-M0eu1R6o2v2prcuvHN4gnOc&hl=ru&sa=X&ved=0ahUKEwjri5vv7vTTAhUBP5oKHa6UDIUQ6AEIPDAD#v=onepage&q=28.%20Craig%20L.%20Orwell's%20Politics%20and%20Power&f=false>. - Дата обращения: 18.04.2017

7. Derrida J, Wills D. The Animal that therefore I am. - Critical Inquiry, 2002. - pp. 369-418. - URL: http://www.jstor.org/stable/1344276?seq=1#page_scan_tab_contents. - Дата обращения: 27.02.2017
- Dickstein M. Understanding Animal Farm / Cambridge Companion to George Orwell. - Cambridge University Press, 2005. - URL: http://www.academia.edu/22666458/Animal_Farm_history_as_fable. - Дата обращения 18.04.2017
8. Driscoll K. The Sticky Temptation to Poetry // De Gruyter: Journal of Literary Theory, 2015 - URL: <http://www.jltonline.de/index.php/articles/article/view/770/1809>. - Дата обращения: 11.03.2017
9. Orwell G. Politics vs. Literature – An examination of Gulliver’s travels. – URL: http://orwell.ru/library/reviews/swift/english/e_swift. - Дата обращения: 10.01.2016
10. Overy R. Why the Allies Won. – Pimlico, 2006. – URL: <https://books.google.ru/books?id=umjHkfAHXC4C&hl=ru>. - Дата обращения: 19.04.2017
11. Pomorska K. «Tolstoy — Contra Semiosis» // Jakobsonian Poetics and Slavic Narrative: From Pushkin to Solzhenitsyn. – pp. 57-64. – URL: https://books.google.ru/books?id=XtWSxYoCAkQC&pg=PA57&lpg=PA57&dq=Krystyna+Pomorska,+%C2%ABTolstoy+%E2%80%94+Contra+Semi+osis%C2%BB&source=bl&ots=X0LF06E2Fr&sig=E58lFYmSJUEIRZQcbeQwCI0t_tw&hl=ru&sa=X&ved=0ahUKEwjjsqX0jZ_KAhWHhiwKHZO7CjUQ6AEIGzAA#v=onepage&q=Krystyna%20Pomorska%2C%20%C2%ABTolstoy%20%E2%80%94%20Contra%20Semiosis%C2%BB&f=false. - Дата обращения: 10.01.2016

12. Rodden J. Understanding Animal Farm. - Greenwood Publishing Group, 1999. – 226 pp. – URL: https://books.google.ru/books/about/Understanding_Animal_Farm.html?id=TG-YpkczTjEC&redir_esc=y. - Дата обращения: 16.04.2017

Краткое содержание и перевод повести В.С. Реймонта «Бунт»

Часть 1

Глава 1 («Хозяйский двор»)⁶⁶

Хозяйка («Старая») бьёт Рекса за съеденного индюка и колбасу, тот воет, пока ему не удаётся выбежать из кухни и укрыться под акацией, чтобы зализывать свои раны. Женщина переключилась на мальчика (по-видимому, подростка), которого все зовут Немым – сироту, подброшенного однажды на кухню в этот дом. Теперь она била его за воровство, и крик стоял такой, что взбудоражился весь двор: *цепные псы, голуби, индюки*. Прибежали и сама наследница и наследник, какие-то девочки с куклами и *две рыжие таксы, которые вертелись, как змеи*. Мальчик упал рядом с Рексом, и они лежали рядом, жалуясь друг другу: «одинаково избиты, одинаково несчастны».

Пришёл *чёрный кот* – давний приятель Рекса – и сочувственно заурчал под боком. Почуввав раны, слетелись *вороны*.

Рекс стал жаловаться коту и мальчику, что кто-то забрал его огурцы. Кот говорит, что их забрал некий Ендрек, который также забрал *воробьёв из гнезда аистов* и не поделился с *сороками*.

«Позвонили на обед, и весь двор начал заполняться криками звериными и человеческими». Заскрипели колодцы, свиньи в хлевах нетерпеливо закрутились, ласточки защебетали, а потом «все голоса как бы уплыли в огнях солнца, и рассыпались в бессознательной тишине горячего полдня. «Солнце играло свой гимн, распалённый воздух развивался музыкой пламени, все голоса природы, а была их бесконечность, выплыли в золотую симфонию света. Всё было звуком, красками, и, вместе с этим, каким-то призрачным эскизом. Полудница с ястребом на голове проплывала над землёй, и где коснулись её золотистые волосы, там высыхало всё, а где осыпались её жёлтые цветы, то есть взгляды, там смерть собирала свою жатву. Иногда какая-то птица падала с ветки, деревья вяли, и даже струи воды замирали. Рекс задрожал, заскулив, прижался лбом к влажной земле и холодным травам. Полудница проплыла, и за ней потянулись крики зверей, и мрачные тени, и солнечный свет».

Воспоминания Рекса: раньше он жил во дворе, где каждому был товарищем, а мог и развалиться на коврах, где все его гладили, а он готов был выполнить любое указание человека. Как это случилось, что он теперь без хозяина, и такой жалкий?

---

⁶⁶ Здесь и далее текст приводится по изданию: Reymont W.St. Die Empoerung: Eine Geschichte vom Aufstand der Tiere / Dritte Auflage. – Bazel: Im Rhein-Verlag, 1925. – S. 15 (Перевод с нем. – С.А.)

Портрет: “Он был огромный, похожий на льва, и несмотря на впалые бока и раны, всё ещё грозный и всё ещё сильный. Он взглянул окровавленными глазами, ощерился, и несмотря на боль, двинулся во двор, под высокую колоннаду, готовый на каждую битву, лишь бы прибежать к хозяину и пожаловаться ему».

Он зашёл в дом, прошёл сквозь анфиладу комнат, запахи вызывали перед ним призраки людей, бродящих по комнатам; среди обветшалых ружей почувствовал своего хозяина, растянулся на медвежьей шкуре, каждый предмет навевал забытую историю, а воздух отдавал «тухлятиной и чем-то, что ему напоминало запахи, выходящие из открытых костёлов». Стал жаловаться на свои несчастья портрету хозяина.

Рекс встретил старого друга – попугая – но неожиданно в комнату вошли наследник и наследница с таксами, которые стали его кусать, пёс убежал с новыми ранами, слыша за спиной выстрелы, и спрятался во дворе. Немой залечивал его раны и приносил еду, *сторожевой пёс Кручек дал* обещание никому не говорить, где спрятался Рекс. Пёс был окружён всеобщим сочувствием (овчарки, кони, стада, какой-нибудь рогатый лоб, жеребцы, крылатые, «больше всего сердца и души выказывал осёл, живущий в этом дворе только с божьей помощью»). Только гордый павлин держался в стороне, да вороны смотрели с деревьев, ожидая на всякий случай падали).

«Рекс выздоравливал, только каждый день он был всё грустнее, и всё более замыкался в себе. Приходили к нему удивительные чувства. Он начал смотреть на мир из глубин боли и сиротства. Давно он не смотрел на то, что делалось за пределами двора. Он чувствовал себя почти, как его хозяин; по человечески относился ко всякой твари. Существовали, чтобы его душить, преследовать, забавляться, так, как приказал ему хозяин. Это была пропасть человеческого бытования. А потом его выгнали со двора и выпихнули на дно неволи. Каждый раз он всё сильнее чувствовал своё жалкое положение. Это была не затянувшаяся рана, сквозь которую сочилось желание дикой мести человеку. В такие минуты он мог бы разорвать клыками даже их щенят, за которыми когда-то ходил и оберегал их. В нём просыпалась горячая кровь, и в эти долгие ночи болезни, в эти ещё более долгие дни болезни, он думал, как им отомстить. И иногда так забывался в своей ненависти, что всё, что пахло человеком, будило в нём огромную угрозу. В этих раздумьях ему явилась вся сила человека. Она росла перед ним, достигая своего пика. И как же отомстить урагану, как же не дать блеснуть молнии, как же ухватить клыками гром? Удары бессильного отчаяния проникали в него, как ножи, но этот двуногий всё равно властвовал над миром, под его ужасной властью жила любая тварь, любое существо, смерть и жизнь в его власти, он может всё. Творец и одновременно палач. Только сейчас он почувствовал и узнал эту страшную тайну и каждая минута её подтверждала. Он был прикован бессилием к этой берлоге. Его сердце не упустило ни один крик, ни одну жалобу и ни одно несчастье. Он был неустанным плакальщиком, он слышал задушенные рыки коров, обречённых на смертельный труд, на окровавленные палками бока, на голод. Кони ржали долго и болезненно, плакали коровы по телятам, которых от них забрали. Из овчарен и хлевов вырывались дикие жалобные стоны объятых смертельным страхом животных. Жаловалась даже сама земля, от неё были слышны проклятия, тоже самое было слышно из лесов и воды, и ото всюду, всем миром неслись не

умолкающие отголоски несчастья. Вся земля и воздух были пронизаны человеческой жестокостью, на пирамиде трупов он устанавливал ион своей силы.

Не победить его, не убежать перед ним, точно так же, не победить и не убежать от смерти. Он заключает в себе всё бешенство океанов, которое бессильно бьёт гранит. В какое-то утро, когда отчаянно закричали свиньи, которых грузили на телеге в мясницкую, он заворчал, как будто это болезненно его затронуло. Они снова убивают наших братьев». Разве брат тот, у кого можно пожить (о человеке)?

Дети ошпарили осла кипятком и стали бросать в него камнями. Рекс выбежал защитить его, люди сбежались спасать господина. Рексу открыл калитку садовник, и таким образом помог ему скрыться в полях. В поле Немой пас гусей, о случившемся ему уже сообщили сороки. Вместе они решили, что Рексу лучше спрятаться в охотничьей будке в лесу.

Ноги повели Рекса обратно во двор, звук хлыста остановил его, и он спрятался у парка. Неприкаянность, страх, тоска, «вокруг был мир чужой и вражий». «Закат посыпал мир как будто чем-то красным». Отпущенные с цепей собаки бросались на стены, лис рыл лаз к курятнику, куница убежала с курицей в зубах.

Попугай вспоминает о родине и Свободе, пытается вырваться из клетки в агонии. «И так почти каждую минуту, в каждом месте длилась борьба за существование (лисы, крик зайца и куропаток, псы, аисты, крик журавлей и чаек, ястребы). «Это песни сытых и последние вздохи побеждённых. Смертельные звуки: ужасные удары, хрусты разрываемых костей, запахи крови, задушенные горла, это всё проплывало ..... среди упоительной летней ночи, а над всем этим распускались деревья и совсем не двигались в своём существовании. Над ними склонялись холодные звёзды. Камнями деревья брали из самых глубин свою видимую форму, которая всасывались водные подземные ключи. И всё это было окружено далёким и останавливающим кровь вечным молчанием».

Немой рассказал Рексу, что на него готовится облава. «Война так война», - думает Рекс.

Глава 2 («Пашни и болото»)

По настоянию Немого Рекс прячется в будке в лесу, по следам его находит влюблённая в него борзая. «Она была прекрасна, белая, как молоко, с бело-коричневыми ушами и с большими голубыми глазами. Была красивая, гибкая, словно змея, подвижная, чистая, чувствительная, и это всё было видно издалека». Она видела в Рексе хозяина жизни. «Он поддался ей, и они вместе запели бессмертную песнь любви». Всё пело песнь вечного изменения и вечного продолжения. Но Рекс продолжал «тосковать о завтрашнем дне», и любовница постепенно стала ему обузой.

Первая встреча с волком: «Это ты вылизываешь горшки. Ты, слушай! Сейчас говорит свободный!» Смертельная битва, победа Рекса и бегство волка – триумф Рекса, беспечная охота на лесных животных.

В один из дней стая журавлей и аистов опустилась рядом с ними. За ними прилетели цапли, дикие гуси и другие стаи мелких птиц. Справедливый суд журавлей, так как псы убивали без нужды, тем самым нарушая законы чащи. Бегство псов, борзая в страхе оставляет Рекса и уходит домой.

Глава 3 («Дремучий лес»)

«Над Рексом навис грозный кулак насилия. Он был выгнан из-за людской неблагодарности. Он был выгнан крылатыми за вину, которую не понимал. Его покинули друзья. Он был запятнан всеобщей ненавистью и обречён на горькую жизнь бездомного бродяги». Неудачи Рекса в охоте, унижение со стороны жителей чащи, которые называют его «глупым человеческим псом» (филин в лесу, сорока во дворе).

Рекс спрятался в охотничьей будке. «Это место было как будто святое, здесь на каждом закате и восходе солнца встречался весь народ чащи, беспечно пил и купался вдоволь. Возле него стоял, как будто на страже, лес старых дубов и высоких сосен. Воздух пах мёдом и сотрясался жужжанием пчёл, прятавшихся в дуплах старых деревьев, и из некоторых из них, глядящих на запад, вытекали жёлтые струи мёда. Целые тучи насекомых летели над ними и гибли в этих сладких и липких потоках, а внизу, словно по мостовой, тянулись бесчисленные орды красных муравьёв».

«Желание жизни пробуждало в нём всё большую и большую силу. Глухой бунт поднимал его на ноги». «Больных не добивают», - такой закон провозглашала чаша.

Диалог с филином.

- "Лучше бы я пас овец, чем в вашей чаше был королём"

- "У нас нет короля. Над нами никто не властен, а правят нами мудрые и вечные законы. Если они тебе не нравятся, то что ты можешь знать о свободе? Люди научили тебя своей свободе палкой и голодом. Ты вырвался с цепи, раб, и сейчас самодовольно лаешь на дела, которые ты не понимаешь.

- "Но я знаю, что там, у людей, не охотятся друг на друга, не пожирают его живьём, и не следуют за ним неустанно. Каждый там спит в безопасности."

- "Да, потому что всех кормит человечья милость и человечья палка. Они не едят друг друга, но человек ест их всех. Какой образ является тебе тебе, когда ты представляешь народ копыт, рогов и крыльев? Это образ рабочего скота, который за жалкую еду и крышу продал свою свободу, свою силу и кровь. Вы живёте, размножаетесь и умираете только для человека. Твоя шкура уже даже не принадлежит тебе, ни твои уши, ни даже твоя шерсть. Позор тем, кто полюбил неволю. Вы не умеете даже бунтовать. Умеете только жаловаться и покорно сносить все кнуты и лизать стопы своих учителей".

Рекс сорвался, как будто его коснулось раскалённое железо, но потом упал без сил.

- "У меня было гнездо на костёле, и я знаю, что там происходит. Я помню, что на каждом восходе и на каждом закате слышится один и тот же стон, состоящий из жалоб, боли и отчаяния... Ты слышишь эти песни, которые они постоянно звучат у нас в чаще? Так поёт свобода, так поёт радость, это поёт счастье".

Рекс залаял и болезненно заскулил, схваченный когтями воспоминаний.

- "Ты не знаешь, что это за счастье, когда я раскину крылья, обрушусь в воздух и дам себя унести туда, куда я захочу. Я, хозяин своей силы и сам себя. Я свободен, да, я свободен!"

- "Пока тебя кто-то не задерёт", - заворчал Рекс.

- "Если меня кто-то и задерёт, то победит, это его право. Но после таких, которые пытались меня атаковать, гнёзда стоят пустыми. Каждый имеет право нападать. За каждый удар, за каждую смерть платится смертью. Позор слабым, позор тем, кого подвели собственные клыки и когти. Борьба - это жизнь, победа - это цель. Тёплая кровь врага и его живое, дёргающееся мясо - это божественная награда за мучение. Хвала победителям, смерть побеждённым - это девиз свободных!" - его голос звучал всё громче и громче.

- "Да", говорил Рекс: "Тебе иногда случится только мышь поймать, а ты мне говоришь о геройствах."

- "А ты считаешь битвой, когда тебе удастся напасть на подышающую корову. И то, ты дрожишь перед ней. Рыцарь, которого даже вороны клюют тогда, когда захотят."

- "А тебя вши едят, и всё твоё геройство не может тебя защитить" - залаял Рекс, увидев, как филин клювом почесал под крыльями.

- "Молчи щенок, и не забывай, что ты разговариваешь со свободным! Не забывай, скот, что ты только вещь человека. Чаща тебя приняла, помни об этом. И я советую тебе: возвращайся к своему кнуту, к своему полному корыту и к тёплой берлоге в хлеве. Чтобы оценить свободу, нужно свободным родиться. Так что, прочь с моих глаз, ты, паршивец!"

Рекс осознаёт свою связь с человеческим миром, который он ещё недавно проклинал. Гнев разбудил в нём тайные инстинкты, и он стал ожесточённо охотиться. Ощущение заговора природы против него.

Вторая схватка с волком: тот захотел, чтобы Рекс поделился добычей. Триумф Рекса, своим рыком испугавшего не только волков, но и всю чащу. Первая спокойная ночь в чаще. "Туманы выходили с ночных лежищ и заслоняли поляну огромной тучей. Били в небо прозрачными кадилами. Приближалось солнце. Дрожали просыпающиеся деревья, и дождь жемчужной росой лил на землю. Среди беспокойной, сонной тишины, начинали звучать первые крылья, и трепетания, и щебетания, и когда ночь побледнела, показывая контуры деревьев, чаща заиграла жизнью». [20] Утренний сбор животных на водопой, их равнодушие по отношению к

Рексу. На заре у озера остались только журавли.

«Ночь уже была поздняя, луна выпала над лесом, воды отражали свет. Туманы серебряными пятнами метались в травах и низких кустах, когда внезапно где-то с озера раздалась песнь журавля. Чаща онемела, поражённая и восторженная. Утихли все битвы и погони. Лес был обездвижен и заслушался, очарованный песней, доносящейся с тишины, магией неутомимой тоски и мечты. Как будто самое святое, укрытое в глубинах всех душ давало знать о себе, будило, уносило». Рапсодия о далёких путешествиях, закатах, землях, где нет человека. Все животные притаились в чаще. «Словно какое-то бессмертное дыхание тоски их собрало вместе, все эти невольничьи души, и уносило глубокие раздумья будущих жизней».

«Рекс не мог вернуться к своему равновесию, он не мог быстро найти себе место, его всё время куда-то несло. Едва дождавшись дня, он побежал в поля, в ясный широкий мир. Он гнал. Он спешил к своим». Сердце его было переполнено радостной любовью.

«- Я прибежал вывести наш род из человеческой юдоли».

Волы перегородили ему дорогу. Перед двором на дороге он увидел, как старого осла с мешком на голове тянули мальчишки, направляя его в одну из ям с известью. Осёл кричал в небо. (Рекс помог ему, сорвав мешки и отпугнув мальчиков)

Разговор с Кручком. Тот после долгих раздумий называет Рекса глупым.

«Говори бараньему лбу. Лей свиньям мёд, а они всё равно будут лежать в помойках, потому что их так научили. Чтобы ты потом не жаловался, - сказал Рекс» «Вы не умеете даже взбунтоваться!» (повторяет за филином)

Новость о попугае, который пытался улететь, но его подрали ястребы. Рекс глубоко сопереживает старому товарищу.

Рекс агитирует животных стать свободными.

«И удивительное начало случаться. Кони за каждый кнут отвечали копытами. Коровы рвали упряжь и разбивали плуги и спокойно шли пастись в полях. Свиньи не хотели покидать картофельных полей. Псы, когда их отпускали, не позволяли больше себе возвращаться на цепи. Даже глупые овцы заполняли воздух каким-то бунтовым блеянием. Только старый осёл, несмотря на счастливую удачную попытку, не смел больше защищаться, и каждый раз кричал всё жалостнее:

- Я страшно боюсь!. Я страшно боюсь!» Началась битва между домашними животными и людьми, последние приписывали всё какой-то эпидемии.

Корова:

«- А зачем мы должны искать утешения так далеко? А кто нам подаст горячего питья, кто подложит сена, кто выстелет коровник свежей соломой? - и одна за другой перечисляли доброты своих хозяев и расхваливали их роскошные коровники». Другие коровники отликалились на призыв Рекса.

Лошади:

«Рекс убегал от него, как от сумасшедшего, и в других стойлах он попал на самых обычных крестьянских кляч. Они были мощные и здоровые, они привыкли к работе и кнуту, были хитрые и в меру ленивые. При желании они могли съесть даже солому, сорванную с крыш. Они слушали его терпеливо, обнюхивая старательно.

- А что нам будет с этой пёсией свободы, - поставили очень твёрдо они вопрос. Рекс с восторгом и вдохновением показывал чудесные миражи будущего счастья, навеянные журавлиной песнью:

- Просто так никто нам не даст и горки голой соломы. А человек нам говорит - вот, милые коники, закончите, и получите немного овса.

- Подхалимы, хамы, Фома неверующие, - кричал разгорячённый и разгневанный Рекс.

- Спокойно, только глупые жеребята с поднятыми хвостами, спешат покорить мир. Человек - это тиран и убийца, это известно. Кнуты, боль, тяжёлая работа и еда, которой едва хватает. Но кто будет кормить нас на свободе?

- Как это кто? Все стоги ваши, весь клевер ваш, вся пшеница ваша.

- И нам уже не раз казалось то же самое, но закончилось это очень плохо – кнутами». (хитрые и осторожные, но не глупые)

Боров:

«- Чего он хочет? - прервал внезапно старый огромный боров: Ему что, не хватает косточек, чтобы грызть, и он прилетел поведать нам про бунт? Что за бедность вообще может быть подле человека? Жрёшь, что брюхо пухнет, лежишь, все дни летаешь за суками там, где тебе нравится. Чего тебе ещё?»

«- Счастья и свободы всем мученикам, - торжественно объявил пёс».

«- Вроде умный, а не понимает, что на свиньях опирается вся правда мира, его спокойствие, лад и здравомыслие. Человек - это хозяин, потому что он голова всему. он думает, работает и следит, чтобы у всех у нас было, что жрать, чтобы мы существовали, а ты своим разумом можешь только погубить нас всех. Мир устроен очень мудро, и каждый должен быть на своём месте и слушать, что человек ему прикажет». - Молчи, а то тебе выпущу кишки. И помни, что при свиноматках мы не говорим о смерти. Это наша тайна. Это добровольная жертва, которая отдаётся за существование нашего вида, так что быстро уходи отсюда и обходи нас издалека, ты, глупый преглупый пёс.

Бесчинства Рекса и стаи его единомышленников-овчарок в чаще. Их схватка с медведем («он был огромный, ростом превосходил человека») и убийство царя чащи. Тревога в лесу.

Встреча с волками (+лис), которые пришли поклониться Рексу как победителю. Просьба волков встать на защиту Рекса от людей, ещё раз дать клич среди домашних животных.

Рекс: «- Человека мы не сможем уничтожить, - объявил он с уверенностью. – Как невозможно вызвать ночь среди бела дня. Но мстить – это право любого, кто страдал. Я знаю двуногих, они нагие, жалкие, без клыков и когтей, но они страшнее всего! В их головах необъяснимая сила! Можно против них бунтовать, но невозможно их победить. А тот, кто сходится с ними, должен в конце концов стать их рабом. Я уже сорвался с цепи, скоро и остальной полевой народ последует моему примеру! – он поднял гордо морду, глаза его блестели и охваченный своей идеей, он как будто наяву видел образы предстоящего счастья». Клятва куляса служить жизнью Рексу.

Жестокое нападение на лагерь людей. Рекс запрещает волкам есть человеческое мясо.

«И что-то как будто охватило его сердце. С правдивым, холодным и чутким равновесием настоящего вождя, он следил за ходом битвы, и только под влиянием внезапного отторжения от волков, начал останавливать своих и отводить их». Ему было больно от этих отчаянных голосов людей, будящих в нём какие-то болезненные уколы совести. Клич Рекса к отступлению, спор с кулясом.

«Словно восходило солнце, и это было странно, ведь казалось, что оно восходит во всех четырёх сторонах света, потому что кровавые зори расходились вокруг и взрывались с земли,

доходили аж до верхушек деревьев огромными пламенными озёрами. Небо при этом было чёрное, из туч, беззвёздное. Деревья стояли неподвижно, а какой-то глухой шум звучал всё протяжней». Обстрел, пожар, стоны истерзанных людей и животных.

Глава 4 («Мятеж»)

«Ночь была поздняя, тёплая и звёздная. С далёких деревень доходили пения петухов. Покой лежал в пространстве и тишине, дышали поля и леса...»

Разговор Рекса с Кручком (дворовый пёс, давний товарищ Рекса) и Кулясом (вожак в стае волков), спасшим часть волков. Куляс недоволен, что с Рексом Немой. Рекс: «Ни один волос не упадёт с его головы». Провокационный вопрос Немого, взволновавший Рекса: а если бы хозяйка вновь снова подобрела по отношению к псу? [

Журавли знают этот край счастья, они рассказали мне обо всём и обещали мне показывать дорогу. Они обещали нас догнать."

- "Но когда там такой рай то зачем они сюда прилетают?"

- "И ветры иногда летят неведомо куда..."»

Размышления Рекса о неравенстве «И он долго искал причину, причины этого ужасного неравенства. Он протестовал против него как будто голосом всяческого мучимого существа, голосом всего света. В конце концов ему показалось, что он нашёл единственный способ, как преодолеть эту пропасть.» Вывод том, что человек не беспокоится о завтрашнем дне, так как на него работают тысячи «голов», вода, солнце,

воздух и весь этот мир. «Пока человека не заберёшь разум, ничего у него не заберёшь, потому что он всегда справится этим",- пробормотал Немой и снова уснул.»

«В багряных лучах рассвета всё отчётливей маячили чёрные клубы, идущие со всех сторон. Казалось, как будто воды вышли из берегов и заливали землю. Как будто воды прорвались сквозь плотину и били всё ближе и более грозно. Поднимался страшный хаос ржания, блеяния, мычания, и он усиливался с минуты на минуту. Уже можно было видеть тысячу рогатых лбов, воздух начинал дрожать, и горячее дыхание обращалось в вихрь. Как будто приходила страшная гроза, гремящая неустанно и бьющая молниями. Задрожала земля, затряслись деревья, и все птицы громко защебетали в ужасе, когда бесчисленные стада ринулись на пастбище под лесом и гремели одним огромным голосом. Вместе с этим показалось красное пламенное солнце и освятило весь мир.»

И вслед стадам высоко летели со всех концов света огромные стаи птиц. Они были похожи на тяжёлые оловянные тучи, заслоняющие солнце. Они походили на тёмные бурлящие реки, которые плыли сквозь бледное небо. Они были похожи на клубы разверзшегося дыма без начала и без конца, которые, описывая круги опускались всё ниже с диким и пронизывающим криком. Мрачные тёмные облака с глухим шумом падали на землю и леса, и деревья начинали раскачиваться под их лавиной. Они окружили даже самые дикие и недоступные уголки, и упали ошеломлённым ураганом. Казалось, что сама земля опадает с грохотом. [43]

Собралась огромная армия животных.

Немой решает вернуться к людям, Рекс угрожает ему и останавливает мальчика.

Глава 5 («Выход животных»)

«Время пересыпало пламенную пыль солнца. Вся земля вставала в полуденном пожарище, зной распирал дыхание и шкуры обливал потом...» «Солнце зависло между востоком и западом в то время, когда забили вечерние колокола. Они раздались медленным бронзовым торжественным, достигающим небо гимном, как будто вырванном из души и с тоской великого растворения. Они пели величественно, высоко и своей молитвой достигали практически солнца и неба, шли выше и выше, прямо к ногам Праотца.»

«Рекс на огромном жеребце чёрном как ночь, шёл впереди. За ним сидел Немой, отбивая радостно голыми пятками по бокам коня. Необозримым табуном тянулись за ними клячи, жеребята и мерины, окружённые жеребцами, тянулись коровы под предводительством быков, тянулись мрачные волы, а под их руководством бесчисленные группы овец и баранов. На самом конце в кучу сбивались свиньи со старыми свиноматками впереди».

«Напрасно били тревогу колокола в костёлах, напрасно люди пробовали остановить бурю, опустошающую их, напрасно загораживали дорогу, перекапывали поля, заливали долины, жгли леса и сыпали острые колья на их пути.» Всё человечество охватило безнадёжное отчаяние.

Огромные тучи орлов, ворон, ястребов, соколов напали на шествие. Ожидание журавлей.

Недовольство Немого.

Люди подожгли лагерь животных, но погибли сами в горящих лесах (Немой пытался помочь им)

«Немой, зарывшись в одеяло, зарыдал. Он плакал над людьми. В нём проснулась душа, и человеческие несчастья владели его сердцем. И хотя, он сам значил для них гораздо меньше, чем его друг Кручек, он почувствовал в своих палацах родных братьев. Как будто до этого он не признавался, что имел с ними что-то общее. Он был рождён по пьяни. Его никчёмно подбросили на кухню при дворе. Его вынянчила и воспитала бедность, презрение и неуважение. Каждый пинал его и причинял ему боль, считая его уродливым созданием. Лицом он был похож на бульдога, ноги у него были костлявые, на голове рыжая шерсть, руки опадали до земли, как у обезьяны, вместо голоса у него был жабий скрежет, и были только удивительной красоты глаза, голубые, лучистые и умные. Он был выпихнут на самое дно, ко дворовым зверям, он сжился с ними и побратался с ними, как с родными. Они охотно давали ему власть, чувствуя, что он выше их. И только сейчас, во время этого пути с ними, он начинал чувствовать себя чужим и даже врагом. Даже на Рекс он иногда глядел другими глазами, глазами человеческих размышлений. И тогда в нём родилась мысль побега.»

Немой находит в одном из опустевших домов шкаф с одеждой, примеряет на себя роль хозяина. Обнаружил себя перед магазином, словно перед алтарём.

«В большом шкафу с зеркальными стёклами на полках сидели куклы в самых разных нарядах и самых разных размеров, белые медведи и красные, кони, барашки и белочки, так же было полно сабель. разных музыкальных инструментов, трубок и тысячи чудесных вещей, которые он видел первый раз. Он протёр глаза, не веря собственному счастью. Он пожирал эти чудеса разгорячёнными глазами, едва дыша из-за страха. чтобы они не рассеялись, как туман. Он смотрел. Слёзы потекли у него из глаз.»

В самом углу магазина, в шкафу сидела кукла размером с пятилетнего ребёнка. Брюнетка с сапфировыми очами, матово-бледная. У ней был алый рот, волосы гладко зачёсанные над лбом, лицо вытянутое, немного суровое, но она была чудесна. Одета была в платье красно-жёлтое и зелёные туфельки. Он готов был поклясться, что она живая, и глядя в неё что-то пробормотал. Она ему улыбнулась, его объял страх и схватил его за горло. Он отошёл немного, и волосы встали у него на голове. Он не смел двинуться, не смел вздохнуть, душа ушла в пятки. Он упал на колени, и сложив руки, молился на неё, со стоном обожествляя её, бормоча невыразительно слова.

Он сорвался, не зная, как поступить. Выбежал на улицу, посмотрел на луну, прислушался, и в конце концов, когда стада притихли, и только иногда раздавались сонные покрикивания или лай стражников-псов, он вытянул из ножен саблю, побежал.

Ночь была светлая, Лунная и тихая. Кукла сидела так, как он её оставил, недвижима, с открытыми глазами, погружённая в серебристый свет луны. Он долго колебался, но всё таки преодолел себя, поднял её на руки и прижал к сердцу. И тут же у него в жилах словно остановилась кровь. Она обняла его ручками за шею, а из губ полетели какие-то тихие магические звуки.

Она баюкала его сердце зовом, как будто какой-то забытый колокол.

- Заколдована! Чтобы только найти это необходимое слово и сказать ей! И тогда она оживёт! - в горячечном бреду повторял он, воображая себе, как он расколдует её и приведёт к отцу-королю, а тот за это отдаст её ему в жёны. И он будет весь в золоте и серебре. Он будет хозяином ещё более важным, чем его предок. И так мечтая он уснул. Однако что-то кричал сквозь сон и скинул с себя ботинки, которые пекли ему ноги. А на рассвете резко сорвался с кровати.

- Журавли, журавли! - шумели голоса как будто всей земли.

Немой взял куклу-принцессу с собой и всячески её оберегал.

- Только бы найти это слово, - всё повторял он себе: чтобы её расколдовать, и сразу же я брошу весь этот скот, ведь я же человек, - убеждал он себя, глядя на своих товарищей. Он чувствовал себя среди них всё более чужим. Он злился на них за этот бунт против людей. Он больше не понимал их причин, а их цели считал безумием.

После долгих дней неустанного пути, они попали на плоскогорье. Заснеженные, всё ещё далёкие вершины гор, снова показались во всём своём величии. Они возносились в небо, как будто алтарь страшной силы, заключённой в тучах.

Они вышли в степь, в которой не было ни людей, ни запасов.

Немой прислушивается к жалобам в стадах и решает взбунтовать их против собак и волков и вернуться к людям с почётом.

Вожаки шествия (волки и псы во главе с Рексом) решают изгнать Немого.

Немой один в чаще

- "Боже милостивый, спасай меня! Я уже пережил всю муку, какую только возможно. Спаси меня, боже - он плакал, прощаясь сам с собой!" На завтра ударил сильный мороз, что земля зазвенела под ногами, река замёрзла, и невозможно было дышать. Ветры утихли и настала такая враждебная тишина, прерываемая только глухими звуками трескающейся земли. Уже не было даже разговора, чтобы продолжать путь. Только в этот день он прошёл всего немного, чтобы найти место, где река образовывала болотистый брод, заросший кустами. Тут ещё не замёрзла вода. Сюда должны прилетать птицы, - подумал он, и ножом и ногтями начал выкапывать под самым берегом большую яму для убежища. Он заслонил её ветками, выстелил листьями, и посадив в самом глубоком месте принцессу, закопался на дне берлоги. И почувствовав благодатное тепло, он сонно забормотал, адресуя слова морозу:

- Ничего ты мне не сделаешь, - и уснул тихо, несмотря на голод.

Охота на уток (он разговаривает на их языке), выстрел в нападающих на оленя хищника, спасение огнём от волков.

- Сейчас я тебе скажу, - забормотал: Я скажу, и всё изменится! - он оглядел её взглядом победителя: Оно само мне пришло в голову. Что мне сейчас волки.. Боже мой, сейчас, меня так трясёт, сейчас. В конце концов шепнув ей что-то на ухо, он вскочил и застыл пораженный:

- Иисус! Мария! - повторял, инстинктивно трясаясь. Она росла на его глазах и встала перед ним в своей золотой короне и в красном плаще, а за ней огромный чёрный жеребец бил копытами и звенел золотой уздечкой и стремянами.

Сердце замерло, когда он увидел это чудо.

Только бури и метели шумели в ушах и хлестали по лицу так, что спирало дыхание, и на глазах пролетали какие-то земли, какие-то леса, какие-то реки. В нём пробуждалась песня такого сверхчеловеческого счастья, но они всё бежали, бежали всё быстрее, бежали со всем миром, бежали к королю отцу прямо на свадьбу...

Часть вторая

Глава 6 («Свобода»)

Буря: гром, молнии, ураган, неудержимая власть природы. Охваченные ужасом от вспышек молний и волчьего воя, животные продолжали свой путь по приказу Рекса (он ранен). Даже умные свиньи стонали от ужаса. Только Рекс не терял самообладания перед жалобами псов, привыкших к теплу и уюту. Наконец все успокоились, их пульсы пришли забились в мерном ритме, и Рекс, долго принюхивавшийся к воздуху перемен, наконец, уснул.

Проснувшись, он обежал кругом лагерь, интуитивно надеясь встретить своего друга Немого – но тщетно. Стал вспоминать свою прошлую жизнь в хозяйском доме, смотря, точно в зеркало, на гостиную, львиную шкуру, огонь в камине, охоту и ноги господина. Что же станет с человеческим родом, если весной у него не будет домашнего скота? Но встало солнце, вселяющее надежду, и всё его внимание переключилось снова на лагерь.

Беспокойное предчувствие солнечного проблеска в небе. «Где солнце? Где остался день?»

Он не отваживался открыть им, что надежда покидает и его.

Жалобы животных, тоска по человеку, угрозы Рекса

Раздор и агрессия внутри лагеря.

Патетическая речь Рекса успокаивает всех.

- Надо выдержать! - залаял он изо всех сил. - Скоро закончатся наши беды! И запомните: всем несчастьям, что обрушились на нас, причина — людская подлость. Это они затопили нас туманом, это они скрыли от нас солнце, они морят нас голодом и терзают холодом. Они мстят нам. Хотят сломать нас и заставить нас вернуться, под страхом ночи и

голодной смерти, под кнут и ярмо. В любую секунду они могут появиться среди нас, чтобы сбить с пути слабых и сомневающихся. Смерть лживым тиранам! Они будут стараться завлечь вас кормом и лаской. Не верьте этим мерзким змеям, они будут пить вашу кровь, как всегда пили. За жалкое пропитание снова превратят вас в рабов. Не поддавайтесь! Закончилось их царствование. Пробудите сердца! Не продавайте свободу, за которую заплатили кровью! Выдержите, и снова будут полные хлева, все поля и луга будут вашими! И солнце будет вашим, и тепло, и живительные ключи. Обретёте желанную тень, чтобы укрыться от зноя, будут и убежища от дождя, и мягкие подстилки! И никакого насилия, никакой работы и крови, никаких обязательств, даже благодарить никого не будет нужно! Товарищи, друзья, братья, готов присягнуть вам, близятся дни бесконечного счастья! Я уже чувствую их, вижу сквозь этот туман. Видите бледную зарю на востоке? Она — счастливый вестник приходящего дня... — он рычал, подобно льву, и ему отвечали тем же рыком, похожим на радостный весенний гром. Потом все легли отдыхать, голодные, но полные светлых надежд.

Куляс о первородной разнице между домашним скотом и дикими животными (поставил под сомнение то, что Рекс общался с журавлями) «Зачем нам быть без еды, если мы и так свободны», скот — это всего лишь мясо (волчий вожак усомнился)

«- Я не люблю твяканья, изображающего речь. А ещё считаешься самым умным. Ты брал у людей палки, но не набрался разума. Ты поперхнулся гордыней. Ты никогда не был свободен и никогда не поймёшь свободы. Что вас объединило со стадом? Ненависть к общим хозяевам. И вместо того, чтобы взять их за горло, напиться их крови и мстить при помощи клыков, ты поднял бунт среди толпы рабов, и потом этим же рабам сам начал служить! Ты стал жалок, пёс! А если не имеешь за душой никаких своих скрытых целей, а лишь только за их счастье и благо борешься, то ты ещё больший глупец, полагая, что можно их сделать свободным народом. Или может ты почуял вкус власти? Мне трудно понять радость от власти над глупыми баранами. Говоря ещё короче: во имя чего существуют все эти рога, копыта, морды или как они там называются? — Лишь для того, чтобы у них было, чем поживиться. Мы же действительно свободны, единственные хозяева полей и лугов! Только человек сильнее нас, но ты и этого уже не понимаешь...

Осознание ценности прошлого. Только глупые бунтуют против вечных законов, и за отступление от них должны нести тяжкую расплату.

- Пусть ведёт нас! Немой! Немой! — хор голосов становился всё больше и больше. Они потянулись за ним сквозь толпу в темноте. Кто-то говорил, что недавно видел его. Кто-то с тоской вспоминал его пламенные призывы вернуться. Кто-то рассуждал о его порядочности и доброте, и все ещё живо помнили, как он ехал перед ними на огромном жеребце. Толпа зашумела, в ней пробудилась внезапно надежда на спасение. Они смотрели во все глаза, силясь разглядеть знакомый силуэт. Слышно было, как каждую минуту где-то произносят его имя. Лихорадка будила воображение. Они всё нетерпеливей искали его глазами, звали на все голоса, вздыхали. Кровь прилиwała к вискам, в глазах таилось безумие. Он представлялся им спасителем для всех отчаявшихся, единственной и последней надеждой — и, наконец, чей-то голодный взгляд обнаружил его и оповестил об этом прочих».

Глава 7 («Насыщение»/»Удовлетворение»)

Рекс проснулся в тени кустарника, стал нюхать воздух и вглядываться в тьму. Внезапно он застыл, как вкопанный: всё небо было усеяно звёздами. Туман становился всё более проницаемым и стелился по земле, показались вершины гор и покрывающие их черные кроны деревьев. «Они снова горят!» «Будет снова день!»

На востоке показались первые всполохи света и журавли.

Голод измучил стадо так, что никто не мог разделить с Рексом его радость. Лишь когда засиял день, они увидели друг друга – измождённые и грязные – и виде этот заставил их почувствовать себя ещё более несчастными. День обнажил их плачевное состояние и поселил в их душах ещё более горькую печаль. В ночи они позабыли себя, и теперь их жалкие тела тяготили их. Новый страх за себя и гнев по отношению друг к другу (247) Каждый почувствовал себя обделённым.

«Солнце стояло высоко – тёплое и лучистое, небо раскинулось голубым куполом, чудесно пах воздух, далёкие горы сверкали снежными вершинами, и во всём окружающем мире витало упоительное ощущение весны, но звери, глухие ко всему, как будто не видели даже зелени полей, и в собственном бешенстве не понимали, что с ними происходит. Время от времени из толпы поднималась чья-то голова и выражала всеобщее негодование, беспокойство и бессилие, но уже через мгновение, ни с того ни с сего, сбитое с ног и выброшенное за пределы стада животное гибло под клювами падальщиков. Старый дворовый бык, Срокач, был огромен, громче всех мычал и долго надрывал горло, чтобы успокоить соплеменников, но ему это было не под силу. В конце концов, ему пришлось уступить смельчаку, который, рогами отвоевав себе всеобщее внимание, поднял тяжёлую голову, и, разбивая копытами землю, замычал с неслыханной силой, но только коровы, зачарованно глядящие на него, готовы были пойти за ним и слушать его.

- И что он может знать! Его держат, чтобы хватало телят, а строит из себя невесть кого! – Запротестовали кони, отгоняя его прочь. Потом начали рассуждать свиньи, они что-то ворчали друг другу, покачивая мордами, и были готовы уничтожить весь мир, но не в состоянии были дать мудрого спасительного совета. От этого поднималась суматоха, раздражение, все вокруг ругались и ещё больше глупели. Все сходились на том, что не хотят идти дальше с Рексом, не хотят возвращаться к людям, но и не хотят стоять на месте. Уже солнце перекатилось на другую сторону неба, а воздух всё ещё сотрясали рыки и крики, мычание и клекотание, пока, наконец, тёплые сумерки не заставили их свалиться от усталости – голодными и расстроенными – там же, где они и стояли, и заснуть каменным, тяжёлым сном».

Разговор Рекса с Кулясом и волчицей, союз Рекса и Волчицы – так за ними вернее пойдут остальные животные.

«Рекс, который знал обо всём от овчарок, всё-таки заговорил с Куласом.

- С чего начать? – сказал он и стал всматриваться в небо, где висела луна.

- Я знаю, что делать, - пролаял глумливо Кулас, отодвигаясь немного в сторону. Огромная волчица выскочила из кустов и легла рядом с Рексом.

- Вот мой совет, - протянула она и, облизав его, растянулась перед ним. Эта шалость не понравилась ему, её присутствие только сильнее его смутило.
- Веди нас, хозяин, и не будем оглядываться на это подышающее мясо. Сами пойдут за нами. Тревога их сама погонит, и начнут что-то делать.
- Хватит твяканья и глупых советов. Чего тебе надо? – рассердился Кулас.
- У меня, сынок, - она заметила его выгибающуюся спину и налитые кровью глаза. – к тебе много вопросов. Ты стал трусливее зайца.
- Никчёмная сука! Никак не могу выгнать из логова эту вшивую шкуру! Убирайся, говорю тебе! Прочь с моих глаз! – Зарычал, бросаясь на неё в бешенстве, но, прежде чем он коснулся её клыками, волки заслонили её забором ощерившихся пастей, и Кулас едва успел отскочить в сторону.
- Бунт против вожака! – зарычал он так, что заклокотало в горле. Гнев, ненависть и задетая гордость едва позволяли ему дышать.
- Твои клыки хуже тупого ножа, а моль тебя сжирает, как старую перину! Слепнешь на закате, а всё ещё хочешь быть вожаком, - отозвалась волчица язвительно. – Телёнок тебя задел копытом, а ты бежишь! Свины возят пятаками тебе по животу – и ты даже не гавкнешь. Ничтожество. – Эти слова били по нему со страшной силой, словно кнутом, и она раздирал когтями землю и хрипел, ожидая подходящей минуты, чтобы броситься в бой.
- Давай, попробуй сразиться! Хватило нам твоих порядков! – она завывала, приготовившись к драке не на жизнь, а на смерть. Она была огромная – самая большая в стае, настоящая «мать»; поджарая и острая, как клинок, изящная, ноги у неё были, как будто из стали, огненная пасть блестела страшными клыками. На тёмной шкуре виднелись шрамы от старых ран. Из-под опущенных бровей, как две кровавые искры, блестели глаза. Она дрожала и шипела, готовая прыгнуть.
- Вставай! Вставай!
- Сразу около сотни овчарок окружило её стеной, а Рекс грозно зарычал.
- Достаточно этих сцен. Не время для склок. Кулас будет и дальше отвечать за стадо. - Приказ прозвучал грозно; волчица подползла к нему, прижавшись к земле.
- Твоя воля. А я останусь с тобой, буду тебя охранять.
- Останься. На рассвете выдвигаемся, даже если и без них.
- Он улёгся под кустами и впал в беспокойный сон, через некоторое время волчица притащила для него кусок какого-то мяса, и когда он насытился, обрушила на него бесконечные жалобы на Куласа. На рассвете, когда они собрались в дорогу, целый лагерь был уже на ногах.
- Что-то снова изменилось! Стоят, как овечки. - Удивился Рекс.
- Нет ли в этом какого-то подвоха? – забеспокоилась волчица.
- Рекс, вскочив на жеребца, двинулся в начало стада, волчица бежала рядом, а толпа, куда ни глянь, стояла неподвижно.
- На восток! К солнцу! На восток! – прорычали овчарки. И стадо, словно необозримая водная гладь, ровно и спокойно потекло вперёд, в сторону гор, поблёскивающих вдалеке серебристыми вершинами».

Глава 8 («Последняя граница»)

Солнце было холодным и глядело, точно зеленый глаз смерти.

«А когда они преодолели часть дороги, небо заслонили тёмные, огромные деревья. Они теснились, высоченные, древние, и на сплетениях их корней лежал рыжий сумрак дня. Они стояли прямо и, казалось, касались неба, подобно колоннам, сделанным из красной меди, покрывшейся пятнами от старости. Деревья были трухой, облачённой в форму,

удерживающей в себе лишь неподвижность, смерть и тишину. И земля под ними была мертвой, покрытой трупным лишайником. Но самое страшное было то, что с каждым громким рыком, с каждым ударом, и даже при сильном шаге – лес разваливался и падал. Гигантские колонны рассыпались в прах. Началась отчаянная, глухая борьба с этим мелким, гнилым песком, сыпавшимся со всех сторон. Он летел без шелеста бесчисленными красными каскадами, засыпая стадо. Сначала он был им по колено, потом достиг животов и, в конце концов, они вдруг стали еле различимы в пыльном океане. Тысячи были погребены заживо, а остальные, стараясь не дышать, передвигали ноги, в страшной тревоге обходя каждое дерево. Их вели один только инстинкт и журавлиные песни, в которых говорилось о заре, встающей далеко над лесами, и, наконец, им, смертельно измученным, открылись огромные зелёные дали, погруженные в светлый, счастливый день. Светило солнце, их овеивал упоительный ветерок, качались сочные травы, густо усыпанные цветами, сладко журчали многочисленные ручьи, бархатную тень обещали громадные кедры, тишину разогретого полдня нарушало беспрестанное жужжание насекомых. Холмы плавно переходили в долину, она расстилалась повсюду, куда хватало глаз, а на горизонте виднелись горы – те самые, к которым они шли уже почти вечность. Закованные во льды вершины сверкали на солнце, как серебристые факелы. Склоны, одетые в зелень, пересекали полосы водопадов, сквозь которые проступали остовы голых скал. Всё это было исполнено величия. Вдалеке виднелась бесконечная морская гладь. Воздух дрожал от ритмично бьющихся волн».

Солнце стояло ещё высоко. Стадо рассеялось по долине и паслось, едва заметное в зелени трав – только белые свиньи были ясно различимы под кедром, раскинувшими широкие кроны. Овцы были похожи на жемчужины, рассыпанные на зелёном склоне. Водопады монотонно шумели. Далёкое море играло мелодию волн. Изредка раздавались протяжное мычание или блеяние, но вскоре затихали после песьего лая.

Рекс переводил взгляд с одного места на другое, и казалось, что чем дольше смотрел он в синюю даль над горами, где кружили орлы, и чем чаще он оборачивался на этот проклятый лес, расплывшийся на горизонте чёрной, непроглядной тучей, тем сильнее ощущал, что он одинаково слеп во всём и взгляд его блуждает по пустоте. Думать мешали подвывания глупой волчицы. Всё, что им довелось пережить после того, как ушли они от людей, внезапно предстало его глазам. Он увидел всё досконально, вспомнил каждую деталь, каждый миг, каждый минувший день – и пережил их ещё раз, но с обескураживающей скоростью.

«И не один страшный вопль, а множество страшных воплей вспомнилось ему, не один труп, а сотни трупов, оставленные позади, весь этот голодный бесконечный ход. Всё это ударило в него с силой урагана, жуткого в своей беззвучности. Пробовал стряхнуть с себя этот кошмар, убежать от него, забыть – но это было невозможно. Память пожирала его сердце. Поднялась на загривке шерсть и пасть наполнилась слюной. Он хрипел, рыл когтями землю, но никак не мог отогнать от себя эти воспоминания, подбирающиеся к нему из самых дальних закоулков сознания. Где теперь эти бесчисленные скитальцы? Все тропы и дороги усеяны их останками. Много ли их достигнет Земли Обетованной? Страшная тяжесть свалилась на него. Скорбь разрывала ему сердце, и вместе с ней чувство ответственности за всё накатывало на него, словно волна, исполненная боли.

Он поверил журавлям: его ослепили их волшебные, полные надежд, рассказы. Разве могли быть правдой все эти сказки? Разве могло быть на свете такое счастье? Будто огромный молот бил по черепу, и удары становились всё сильнее. А если всё это неправда, то ложью были и все его высокопарные речи и обещания, с которыми он поднимал свой бунт. Мираж, иллюзия – эти обетованные земли. И что случится, если там,

куда они в конце концов дойдут... Нет, нет! – закричало всё в нём. – Всё должно быть именно так, как он верил, как в этих журавлиных песнях, именно так, как он желал всей душой. Он вывел их к спасению, а не к смерти. Это был тяжёлый путь, страшный и отчаянный, но останься они в человеческом рабстве, им было бы ещё хуже.

Он освободил их от кандалов и вывел их на свободу! Они пошли за ним добровольно, он не принуждал их к этому. Они жалуются, проклинают его за свои страдания. Но страданием мы платим за всё. Они научатся жить. Кровью купленное счастье дорого. Столько существует диких стад, и никто из них не продал бы свою свободу за человеческую опеку. Они объявили войну несправедливости и должны победить. Они ещё слепы, но прозреют только там, за горами, на этих райских полях. Опьянённые новой жизнью, они забудут о прошлом. И пусть прошлое будет проклято!»

Возглас Рекса к скоту: у вас что, нет глаз? Вместо того, чтобы идти на восток, вы двигаетесь в противоположном направлении.

Никто ему не ответил, что привело его в бешенство. Рекс набросился на животных. Они смотрели на него непроницаемыми глазами. Они были уставшими от жары и сонными, он же нарушил их покой. Здесь же чистейшая вода давала прохладу, а пальмы – тень, трава была сочной и мягкой, а воздух – сладким и ласкающим, словно колыбельная песня.

После того, как гнев Рекса утих, он решил непременно следовать к следующему месту после отдыха вслед за журавлями. «Переход через горы – это наша последняя преграда. ... Еще три перевала, и наше путешествие подойдёт к концу.

«Мы не последуем! Иди туда, куда собирался! Наши пути разошлись!»

Рекс подошёл ближе к ставшим вкруг животным, он не верил своим ушам. «Путь лежит через пашни. Осталось пройти немного, и мы у цели», - постарался он объяснить.

«Ты лжёшь, ты лжёшь!» - завизжали свиньи. Волчица со своим потомством зарычала на них.

Рекс, вконец потерявший самообладание, начал их в очередной раз уверять и обнадеживать обещаниями. Он всё пожертвовал им, и что получил теперь взамен? Он ничего не мог поделать с всеобщей тупостью, безразличием и малодушием.

«Вы будете гнить в этой пустыне»

Ещё немного веры и терпения – уже удалось сделать так много, счастливый конец уже совсем близко, а «вы хотите здесь остаться!»

Его голос звучал горячее и увереннее

Серый бык с властным, широким лбом и короткими толстыми рожками выступил вперёд из толпы.

«Замолчи тиран!» - зарычал он с такой силой, что его голос сотряс листья растущей неподалёку пальмы. «Ты скулишь, как глупый пёс, но никто не давал тебе права говорить. Никто из нас не хочет идти, чтобы в самом конце умереть. Беги в одиночку вслед за журавлиными песнями, охоться за своими идеалами и ищи себя сам в ветрах, что дуют по

полям. Ты убил тысячи своими подлыми обещаниями. Настало время взглянуть на вещи рассудительно и поделиться друг с другом ясными мыслями. С давних времён человек заботился о нас. Ты же превратил нас в диких, бесхозных бродяг, и мы, несчастные, были будто пригвождены к твоей свободе. Ради неё ты принудил нас оставить родину и гарантированно стабильное существование. Ты сбил нас с толку своими бредовыми иллюзиями. На самом же деле не имеет никакого значения то, что за горами обещаны счастье и свобода – никакого! Это всё лишается своего смысла, если рядом нет человека, стойла, возделанной пашни и съестных припасов, заготовленных на зиму. Ты это знал, обманул нас и добил погубил смертью.

«Вы снова хотите вернуться под ярмо, быть закабалёнными, пресмыкаться по визжащим хлыстом?» - завыл печально завыл в ответ Рекс.

«Мы хотим жить!» - тысячи возгласов взметнулись к небу.

Волчица скулила и в страхе пыталась увернуться от движущихся рыл и собачьих челюстей. Но, прежде чем Рекс смог к ней на подмогу, он обнаружил самого себя огороженным стеной из рогов.

«Смерть тиранам! Смерть предателям! Смерть убийцам!»

Он втянул голову как можно ниже, бесстрашно глядел круг и завыл в последний раз.

Неподалёку у чистой голубой воды земля была запятнана лужей крови, в ней отражались от солнечные зайчики. С диким остервенением звери забили Рекса своими копытами.

Мир оглушил возглас о смерти тиранов и вновь обрётённой свободе.

И вот теперь избавившиеся от гнёта иллюзии животных пустились по пустыням в неустанном поиске человека. Они не знали, где его искать. Они двигались всё время вперёд, туда, где манили плодородные пастбища, или куда их выносило волею случая. Они хотели назад на родину. Но кто мог им указать нужное направление? Кто мог руководить их движением?

Они шли по бесконечным пустыням, солнце палило нещадно, их снова мучали голод и жажда, песчаные бури хоронили многих из них, но ничто не могло остановить их шествие на пути к своим хозяевам.

Прошло много, много дней их странствия по миру, пока наконец однажды пасшееся на холме стадо животных не побежало к остальным, сотрясаясь от волнения.

«Человек! Наш господин! Человек!»

На краю непроходимых зарослей в тени широких пальм расположилась семья обезьян. Одна гигантская горилла прыгнула прямо перед ошарашенными незваными гостями. При виде самца животные смиренно склонились к земле, и раздался неудержимый вопль:

«Господствуй над нами! Повелевай нами! Мы твои подданные! Не оставляй нас!»

Испугавшая горилла взметнулась на дерево, швырнула кокосом в тех, что стояли вблизи, промычал им что-то неразборчиво. Он свирепо дышал.

Под ним однако блеяли благоговейно: «Господствуй над нами! Повелевай нами! Мы твои! О, наш господин!»

Сравнительная таблица сюжетных и персонажных систем произведений «Скотный Двор»
Дж. Оруэлла и «Бунт» В.С.Реймонта

	Оруэлл	Реймонт
Описание двора	Изначально ферма «Господская усадьба»	Барский двор, действие быстро перемещается в ландшафты дикой природы. Постоянный лейтмотив – встающее и заходящее солнце, движение облаков.
Причина бунта	<p>«Краткие дни нашей жизни проходят в унижении и тяжком труде. С той минуты, как мы появляемся на свет, нам дают есть ровно столько, чтобы в нас не угасла жизнь, и те, кто обладает достаточной силой, вынуждены работать до последнего вздоха; и, как обычно, когда мы становимся никому не нужны, нас с чудовищной жестокостью отправляют на бойню».</p> <p>«Ни одно животное в Англии не знает, что такое свобода».</p> <p>Вот кто наш единственный подлинный враг - человек.</p> <p>«Восстание, товарищи! – вот вам мой завет!»</p>	<ul style="list-style-type: none"> • Кони ржали долго и болезненно, плакали коровы по телятам, которых от них забрали. Из овчарен и хлебов вырывались дикие жалобные стоны объятых смертельным страхом животных. Жаловалась даже сама земля, от неё были слышны проклятия, тоже самое было слышно из лесов и воды, и ото всюду, всем миром неслись не умолкающие отголоски несчастья. Вся земля и воздух были пронизаны человеческой жестокостью, на пирамиде трупов он устанавливал ион своей силы. • И так почти каждую минуту, в каждом месте длилась борьба за существование (лисы, крик зайца и куропаток, псы, аисты, крик журавлей и чаек, ястребы • «Желание жизни

		<p>пробуждало в нём всё большую и большую силу. Глухой бунт поднимал его на ноги».</p> <ul style="list-style-type: none"> • Это образ рабочего скота, который за жалкую еду и крышу продал свою свободу, свою силу и кровь. Вы живёте, размножаетесь и умираете только для человека. Твоя шкура уже даже не принадлежит тебе, ни твои уши, ни даже твоя шерсть. Позор тем, кто полюбил неволю. Вы не умеете даже бунтовать. Умеете только жаловаться и покорно сносить все кнуты и лизать стопы своих учителей". • “И он [Рекс] долго искал причину, причины этого ужасного неравенства. Он протестовал против него как будто голосом всяческого мучимого существа, голосом всего света. В конце концов ему показалось, что он нашёл единственный способ, как преодолеть эту пропасть.» Вывод том, что человек не беспокоится о завтрашнем дне, так как на него работают тысячи «голов», вода, солнце, воздух и весь этот мир.
Цель	«Звери Англии и мира, всех загонов и полей, созывает моя лира вас для счастья новых дней. Он настанет, он	

	<p>настанет, мир великой чистоты, и людей совсем не станет - будут только лишь скоты. Кнут над нами не взовьется, и ярмо не нужно нам, пусть повозка расшибется, не возить ее коням! Наше завтра изобильно, клевер, сено и бобы, и запасы так обильны, что прекрасней нет судьбы. Небо Англии сияет, и чиста ее вода, ветер песни напевает - мы свободны навсегда! Мы дадим друг другу слово - отстоим судьбу свою! Свиньи, куры и коровы, будем стойкими в бою! Звери Англии и мира, всех загонов и полей, созывает моя лира вас для счастья новых дней».</p>	
Представления о рае	<p>«Он распространял слухи о существовании таинственной страны под названием Леденцовая гора, куда после смерти якобы попадают все животные. Она расположена где-то на небе, рассказывал Мозус, сразу же за облаками. На леденцовой горе семь дней в неделю - воскресенье, клевер в соку круглый год, а колотый сахар и льняной жмых растут прямо на кустах».</p>	<p>Песня журавлей о райских землях. внезапно где-то с озера раздалась песнь журавля. Чаща онемела, поражённая и восторженная. Утихли все битвы и погони. Лес был обездвижен и заслушался, очарованный песней, доносящейся с тишины, магией неумолимой тоски и мечты. Как будто самое святое, укрытое в глубинах всех душ давало знать о себе, будило, уносило». Рапсодия о далёких путешествиях, закатах, землях, где нет человека. Все животные притаились в чаще. «Словно какое-то бессмертное дыхание тоски их собрало вместе, все эти невольничьи души, и уносило глубокие раздумья будущих жизней.</p> <p>Журавли знают этот край счастья, они рассказали мне обо всём и обещали мне</p>

		показывать дорогу. Они обещали нас догнать."
Начало бунта	<p>«В конце концов их терпение истощилось. Одна из коров вышибла рогами дверь в закрома, которые немедленно наполнились животными. Как раз в это время проснулся мистер Джонс. В следующий момент он и четверо его батраков, вооружившись кнутами, которыми они полосовали во все стороны, были уже на месте присшествия. Чаша терпения оголодавших животных переполнилась. В едином порыве они ринулись на своих мучителей. Внезапно Джонс и остальные почувствовали, что их толкают и бьют со всех сторон. Инициатива была вырвана из их рук. Им никогда раньше не приходилось сталкиваться с животными в таком состоянии, и этот внезапный взрыв ярости тех, с кем они привыкли обращаться с небрежной жестокостью, испугал их почти до потери сознания. Они поняли, что им остается только думать о собственном спасении и уносить ноги. Минутой позже они впятером впопыхах вывалились на проселок, который вел к дороге, а торжествующие животные преследовали их».</p>	<ul style="list-style-type: none"> • Рекс: «- Я прибежал вывести наш род из человеческой юдоли». • «Говори бараньему лбу. Лей свиньям мёд, а они всё равно будут лежать в помойках, потому что их так научили. Чтобы ты потом не жаловался, - сказал Рекс» «Вы не умеете даже взбунтоваться!» • «И удивительное начало случаться. Кони за каждый кнут отвечали копытами. Коровы рвали упряжь и разбивали плуги и спокойно шли пастись в полях. Свиньи не хотели покидать картофельных полей. Псы, когда их отпускали, не позволяли больше себе возвращаться на цепи. Даже глупые овцы заполняли воздух каким-то бунтовым блеянием. • Встреча с волками (+лис), которые пришли поклониться Рексу как победителю. Просьба волков встать на защиту Рекса от людей, ещё раз дать клич среди домашних животных. • Казалось, как будто воды вышли из берегов и заливали землю. Как будто воды прорвались сквозь плотину и били

		<p>всё ближе и более грозно. Поднимался страшный хаос ржания, блеяния, мычания, и он усиливался с минуты на минуту. Уже можно было видеть тысячу рогатых лбов, воздух начинал дрожать, и горячее дыхание обращалось в вихрь. Как будто приходила страшная гроза, гремящая неустанно и бьющая молниями. Задрожала земля, затряслись деревья, и все птицы громко защебетали в ужасе, когда бесчисленные стада ринулись на пастбище под лесом и гремели одним огромным голосом. Вместе с этим показалось красное пламенное солнце и освятило весь мир.»</p> <p>•</p>
Навыки человека у животных	<ul style="list-style-type: none"> • Животные общаются между собой, как люди • Свиньи научились читать и писать • Стали спать в кроватях • Свинья шла на задних ногах. • «Свиньи купили для себя радиоприемники, провели телефон и подписались на "Джон Буль", "Тит-бит" и "Дейли Миррор"» • "Животные не пьют алкоголя сверх необходимости". 	<ul style="list-style-type: none"> • Животные общаются между собой, как люди • Животные общаются с Немым (мальчиком) • Рекс чувствовал себя почти, как его хозяин; по человечески относился ко всякой твари. • Рекс на огромном жеребце чёрном как ночь, шёл впереди.

Жизнь после бунта	<p>«Порой они отчаивались, потому что коса, грабли – они ведь не для животных».</p> <p>Трудности преследовали их на каждом шагу.</p> <p>Все работали в меру своих сил.</p> <p>«Никто не крал, не ворчал из-за пайков; склоки, брань зависть почти прекратились».</p> <p>Попытка приручения диких животных провалилась чуть не сразу.</p> <p>Воспитание молодёжи.</p> <p>Круглый год в округе пахивало бунтом.</p> <p>Разрушение ветряной мельницы Сноуболлом.</p> <p>«Животные не щадя сил трудились над восстановлением ветряной мельницы».</p> <p>Их постоянно мучил холод, а нередко и голод.</p> <p>«Визгун произносил прекрасные речи о радости самоотверженного труда и достоинстве, которым он облагораживает труженика, но всех остальных гораздо больше воодушевляла сила Боксера и его неизменный призыв: "Я буду работать еще больше!"»</p> <p>В январе стало ясно, что запасы пищи подходят к концу.</p> <p>«В первый раз после изгнания Джонса вспыхнуло нечто вроде волнения» (Наполеоном приняты репрессивные</p>	<ul style="list-style-type: none"> • «Рекс на огромном жеребце чёрном как ночь, шёл впереди. За ним сидел Немой, отбивая радостно голыми пятками по бокам коня. Необозримым табуном тянулись за ними клячи, жеребята и мерины, окружённые жеребцами, тянулись коровы под предводительством быков, тянулись мрачные волы, а под их руководством бесчисленные группы овец и баранов. На самом конце в кучу сбивались свиньи со старыми свиноматками впереди». «Напрасно били тревогу колокола в костёлах, напрасно люди пробовали. • Буря: гром, молнии, ураган, неудержимая власть природы. Охваченные ужасом от вспышек молний и волчьего воя, животные продолжали свой путь по приказу Рекса (он ранен). Даже умные свиньи стонали от ужаса. Только Рекс не терял самообладания перед жалобами псов, привыкших к теплу и уюту. Наконец все успокоились, их пульсы пришли забились в мерном ритме, и Рекс, долго приносивавшийся к

	<p>меры).</p> <p>Животные были запуганы до предела.</p> <p>Репрессии над животными. «Вскоре у ног Наполеона громоздилась гора трупов, а в воздухе сгустился запах крови, забытый животными с тех самых пор, как они прогнали Джонса».</p> <p>«Разве к этому они стремились, когда много лет назад решили во что бы то ни стало свергнуть род людской?»</p> <p>«Если тогда и рисовались картины будущего, она представляла его себе союзом скотины, - где нет места голоду и угнетению, где все равны, где труд – дело чести, где сильный ограждает слабого...»</p> <p>Наступило время, когда никто не решается говорить в открытую, когда повсюду рыщут свирепые псы и когда твои товарищи сознаются в чудовищных преступлениях и их рвут на части на твоих глазах.</p> <p>Второе нападение людей, подрыв мельницы, бегство людей.</p> <p>«Животные знали, что жизнь ведут нищую и суровую, часто недоедают и мёрзнут и, когда не спят, всегда работают. Но прежде им, наверное, жилось ещё хуже. Они охотно этому верили. Кроме того, тогда они были рабами, теперь они свободны, а это самое главное, не упускал случая напомнить Визгун.»</p>	<p>воздуху перемен, наконец, уснул.</p> <ul style="list-style-type: none"> • Журавли не пели привычной утренней песни. • Тьма, в которой животные начали спотыкаться (тоска по пастбищам), даже волчьи клыки и когти не помогали. • Беспокойное предчувствие солнечного проблеска в небе. «Где солнце? Где остался день?» • Думы Рекса, который не встретил солнца и набрел на запад тогда, когда искал восток. Ночь и туман. Он не отваживался открыть им, что надежда покидает и его. • Туман становился всё более проницаемым и стелился по земле, показались вершины гор и покрывающие их черные кроны деревьев. «Они снова горят!» «Будет снова день!» На востоке показались первые всполохи света • Солнце – это хорошо, но где же корм, свежая вода и стойла?
--	--	--

	<p>Возвышенность в жизни животных (песни, демонстрации).</p> <p>Отправка Бойца на живодёрню.</p> <p>Они всё ещё верили, что пророчество старого майора исполнится: Англия станет Скотной Республикой, и по её полям не будет ступать нога человека.</p> <p>Изменение заповедей на один лозунг: «Все животные равны. Но некоторые животные более равны, чем другие.</p>	
Атрибутика бунта	<ul style="list-style-type: none"> • Заповеди • Знамя • Гимн • Комитеты, комиссии, ассоциации 	-
Открытая битва между животными и людьми	<p>«Со стороны нападавших послышались вопли восторга. На их глазах, как они и предполагали, враги обратились в бегство и они ринулись в беспорядочное преследование. Именно этого и ждал Сноуболл. Когда нападавшие оказались во дворе, три лошади, три коровы и свиньи, лежавшие в засаде в зарослях за коровником, внезапно бросились на врага с тыла, как только Сноуболл дал сигнал к атаке. Сам он ринулся прямо на Джонса. Увидев его, Джонс вскинул револьвер и выстрелил. Пуля скользнула по спине Сноуболла, оставив кровавую полосу, и наповал убила одну из овец. Ни на мгновение не останавливаясь, Сноуболл всем своим внушительным</p>	<ul style="list-style-type: none"> • <u>Жестокое нападение на лагерь людей</u>. [36-37]. Рекс запрещает волкам есть человеческое мясо. «И что-то как будто охватило его сердце. С правдивым, холодным и чутким равновесием настоящего вождя, он следил за ходом битвы, и только под влиянием внезапного отторжения от волков, начал останавливать своих и отводить их». Ему было больно от этих отчаянных голосов людей, будящих в нём какие-то болезненные уколы совести. Клич Рекса к отступлению, спор с кулясом. • Люди подожгли

	<p>весом сбил Джонса с ног. Выронив револьвер, Джонс рухнул в кучу навоза. Но самое устрашающее зрелище представлял собой Боксер, который, напоминая взбесившегося жеребца, встал на дыбы и разил своими подкованными копытами. Первый же его удар попал в голову конюху из Фоксвуда, и тот бездыханным повалился в грязь. Видя это, остальные побросали свои колья и пустились наутек. Прошло всего несколько мгновений и, охваченные паникой, они в беспорядке метались по двору. Их бодали, лягали, щипали и толкали. Все обитатели, каждый посвоему, приняли участие в этом празднике мщения. Даже кошка внезапно прыгнула с крыши на плечи скотника и запустила когти ему за воротник, отчего тот взревел диким голосом. Увидев открытый выход, люди кубарем выкатились со двора и стремглав кинулись по дороге. Не прошло и пяти минут с начала их вторжения - и они уже постыдно бежали по тому пути, который привел их на ферму, преследуемые отрядом гусей, щипавших их за икры».</p>	<p>лагерь животных, но погибли сами в горящих лесах (Немой пытался помочь им)</p>
Разлад среди бунтующих	<p>К зиме Молли совсем не стало сладу.</p> <p>«Через три дня Молли исчезла. Несколько недель не было известно о ее местопребывании, а затем голуби сообщили, что видели ее по ту сторону Уиллингдона. Она стояла</p>	<ul style="list-style-type: none"> • «Немой, зарывшись в одеяло, зарыдал. Он плакал над людьми. В нём проснулась душа, и человеческие несчастья владели его сердцем. И хотя, он сам значил для них гораздо меньше, чем

	<p>рядом с таверной в оглоблях маленькой черно-красной двуколки. Толстый краснолицый мужчина в клетчатых бриджах и гетрах, похожий на трактирщика, чесал ей нос и кормил сахаром. У нее была новая упряжь, а на лбу - красная ленточка. Как утверждали голуби, она выглядела довольной и счастливой. О Молли больше не вспоминали».</p> <p>В январе залютовали морозы.</p> <p>Между Сноуболлом и Наполеоном вечно шли споры.</p> <p>Раскол из-за ветряной мельницы. Изгнание Сноуболла.</p> <p>Собаки стали пресмыкаться перед Наполеоном так же, как когда-то пресмыкались перед мистером Джонсом.</p> <p>Диктатура Наполеона</p> <p>Построение ветряной мельницы.</p> <p>«Всю зиму животные работали как каторжные. Но труд был для них счастьем: они не жалели сил, шли на любые жертвы – их вдохновляло, что они работают ради себя, ради грядущих поколений, а не ради людей, этих бездельников и эксплуататоров».</p>	<p>его друг Кручек, он почувствовал в своих палачах родных братьев. ... И только сейчас, во время этого пути с ними, он начинал чувствовать себя чужим и даже врагом. Даже на Рекс он. иногда глядел другими глазами, глазами человеческих размышлений. И тогда в нём родилась мысль побега. »</p> <p>Немой прислушивается к жалобам в стадах и решает взбунтовать их против собак и волков и вернуться к людям с почётом. Вожаки шествия (волки и псы во главе с Рексом) решают изгнать Немого.</p> <ul style="list-style-type: none"> • Несмотря на то, что общее движение распадалось, волкам и псам было всё сложнее силой внушать скоту послушание. • Жалобы животных, тоска по человеку, угрозы Рекса • Раздор и агрессия внутри лагеря • Голод измучил стадо так, что никто не мог разделить с Рексом его радость. Лишь когда засиял день, они увидели друг друга – измождённые и грязные – и виде этот заставил их почувствовать себя ещё более несчастными. День обнажил их плачевное состояние и поселил в
--	---	--

		<p>их душах ещё более горькую печаль. В ночи они позабыли себя, и теперь их жалкие тела тяготили их. Новый страх за себя и гнев по отношению друг к другу (247) Каждый почувствовал себя обделённым.</p> <ul style="list-style-type: none"> • «Теперь вам ничего не нравится!» - оскалился куляс. «Мы больше не нуждаемся в вождях, если здесь нет еды» • Никто ему не ответил, что привело его в бешенство. Рекс набросился на животных. Они смотрели на него непроницаемыми глазами. Они были уставшими от жары и сонными, он же нарушил их покой. • «Мы не последуем! Иди туда, куда собирался! Наши пути разошлись!» • «Вы снова хотите вернуться под ярмо, быть закабалёнными, пресмыкаться по визжащим хлыстом?» - завыл печально завыл в ответ Рекс. «Мы хотим жить!» - тысячи возгласов взметнулись к небу. • Неподалёку у чистой голубой воды земля была запятнана лужей крови, в ней отражались от солнечных зайчики. С диким остервенением звери забили Рекса своими копытами.
--	--	--

Итог бунта	«Животные переводили глаза со свиньи на человека, с человека на свинью и снова со свиньи на человека, но угадать, кто из них кто было невозможно».	<p>Осознание ценности прошлого. Только глупые бунтуют против вечных законов, и за отступление от них должны нести тяжкую расплату.</p> <p>И вот теперь избавившиеся от гнёта иллюзии животных пустились по пустыням в неустанном поиске человека. Они не знали, где его искать. Они двигались всё время вперёд, туда, где манили плодородные пастбища, или куда их выносило волею случая. Они хотели назад на родину. Но кто мог им указать нужное направление? Кто мог руководить их движением?</p> <p>На краю непроходимых зарослей в тени широких пальм расположилась семья обезьян. Одна гигантская горилла прыгнула прямо перед ошарашенными незваными гостями. При виде самца животные смиренно склонились к земле, и раздался неудержимый вопль:</p> <p>«Господствуй над нами! Повелевай нами! Мы твои подданные! Не оставляй нас!»</p> <p>Испугавшая горилла взметнулась на дерево, швырнула кокосом в тех, что стояли вблизи, промышчал им что-то неразборчиво. Он свирепо дышал.</p>

		Под ним однако бляели благоговейно: «Господствуй над нами! Повелевай нами! Мы твои! О, наш господин!»
--	--	---

Свиньи	<ul style="list-style-type: none"> • Старый майор, призовой боров из мидлуайта (Старик Главварь, Краса Уиллингтона). «Ему стукнуло двенадцать, и хотя за последние годы он огрузнел, но был по-прежнему величав, мудрого и благожелательного облика этой свиньи не портили даже неподпиленные клыки». Идейный вдохновитель революции. <i>Прототипы – К. Маркс и В.И. Ленин.</i> • «Наполеон был большим и даже несколько свирепым с виду беркширским боровом, единственным беркширцем на ферме. Он не был многословен, но пользовался репутацией личности себе на уме». После захвата единоличной власти начинает развиваться культ личности Наполеона. <i>Отсылает к И.В. Сталину.</i> • «Сноуболл отличался большей живостью характера, быстрой речью и изобретательностью, 	<ul style="list-style-type: none"> • Боров. «- Чего он хочет? - прервал внезапно старый огромный боров: Ему что, не хватает косточек, чтобы грызть, и он прилетел поведать нам про бунт? Что за бедность вообще может быть подле человека? Жрёшь, что брюхо пухнет, лежишь, все дни летаешь за суками там, где тебе нравится. Чего тебе ещё?» • «- Вроде умный, а не понимает, что на свиньях опирается вся правда мира, его спокойствие, лад и здравомыслие. • Мир устроен очень мудро, и каждый должен быть на своём месте и слушать, что человек ему прикажет». - Молчи, а то тебе выпущу кишки. И помни, что при свиноматках мы не говорим о смерти. Это наша тайна. Это добровольная жертва, которая отдаётся за существование нашего вида, так что быстро уходи отсюда и обходи нас издалека, ты, глупый преглупый пёс.
--------	--	--

	<p>но относительно меньшей серьезностью». Отсылает к Л.Д.Троцкому и частично к Ленину.</p> <ul style="list-style-type: none"> Визгун был «блестящим оратором. Обсуждая какую-то сложную проблему, он метался из стороны в сторону, и хвостик его все время подрагивал, что придавало его словам особую убедительность». <p>Отсылает к В.М. Молотову.</p>	
Собаки	<ul style="list-style-type: none"> Ромашка Роза Кусай <p>Стражи революции, прототип – работники КГБ.</p>	<ul style="list-style-type: none"> Рекс. Раньше он жил во дворе, где каждому был товарищем, а мог и развалиться на коврах, где все его гладили, а он готов был выполнить любое указание человека. Как это случилось, что он теперь без хозяина, и такой жалкий? “Он был огромный, похожий на льва, и несмотря на впалые бока и раны, всё ещё грозный и всё ещё сильный. Он взглянул окровавленными глазами, ощерился, и несмотря на боль, двинулся во двор, под высокую колоннаду, готовый на каждую битву, лишь бы прибежать к хозяину и пожаловаться ему». Сторожевой пёс Кручек Борзая. “Она была прекрасна, белая, как молоко, с бело-коричневыми ушами и

		<p>с большими голубыми глазами. Была красивая, гибкая, словно змея, подвижная, чистая, чувствительная, и это всё было видно издали”.</p> <ul style="list-style-type: none"> • Цепные псы и дворовые овчарки • Две рыжие таксы, которые вертелись, как змеи
Куры	<ul style="list-style-type: none"> – Присутствуют на собрании вначале – Сознаны в содействии Сноуболлу (казнены) 	<ul style="list-style-type: none"> •
Прочие птицы	<ul style="list-style-type: none"> • Голуби присутствуют на собрании вначале • Выводок отбившихся от матери утят 	<ul style="list-style-type: none"> • Голуби, индюки, ласточки, полудница, ястреб • Попугай – старыи друг Рекса. Вспоминает о родине и Свободе, пытается вырваться из клетки в агонии. Пытался улететь, но его подрали ястребы • Гордый павлин держался в стороне • В один из дней стая журавлей и аистов опустилась рядом с ними. За ними прилетели цапли, дикие гуси и другие стаи мелких птиц. Справедливый суд журавлей, так как псы убивали без нужды, тем самым нарушая законы чащи. • Филин. "У нас нет короля. Над нами никто не властен, а правят нами мудрые и вечные законы. Если они тебе не нравятся, то что ты можешь знать о свободе? Люди

		<p>научили тебя своей свободе палкой и голодом. Ты вырвался с цепи, раб, и сейчас самодовольно лаешь на дела, которые ты не понимаешь.</p> <ul style="list-style-type: none"> • Вороны, ястребы, коршуны слетались с севера и каркали всё ниже, готовясь получить добычу
Овцы	<p>Самая манипулируемая часть населения, обладают слабыми умственными и критическими способностями, с лёгкостью выполняют все приказы.</p>	-
Коровы	<ul style="list-style-type: none"> • Присутствуют на собрании вначале 	<ul style="list-style-type: none"> • «- А зачем мы должны искать утешения так далеко? А кто нам подаст горячего питья, кто подложит сена, кто выстелет коровник свежей соломой? - и одна за другой перечисляли доброты своих хозяев и расхваливали их роскошные коровники». • Тянулись коровы под предводительством быков, тянулись мрачные волы, а под их руководством бесчисленные группы овец и баранов.
Лошади	<ul style="list-style-type: none"> • «Кlover была дебелая сердобольная кобыла не первой молодости, сильно отяжелевшая после четвёртого жеребёнка». Рефлексирующая, помнила изначальные цели восстания, но преданная Наполеону. 	<ul style="list-style-type: none"> • Жеребцы • Самые обычные крестьянские клячи. Они были мощные и здоровые, они привыкли к работе и кнуту, были хитрые и в меру ленивые. При желании они могли съесть даже солому,

	<ul style="list-style-type: none"> • «Боксер, могутный коняга, чуть не двухметрового роста...Из-за белой отметины на хрупку он казался глуповатым, да и впрямь умом не блистал». Самый трудолюбивый на ферме, в конце отправлен на бойню-мыловарню. <i>Олицетворяет стахановское движение.</i> • Молли, глупая, но красивая белая кобылка, которая таскала двуколку мистера Джонса. Больше всего на свете любит ленточки – символ роскоши. Поступает на службу к другому владельцу, считается предателем. <i>Олицетворение эмигрантов.</i> 	<p>сорванную с крыш. Они слушали его терпеливо, обнюхивая старательно.</p> <ul style="list-style-type: none"> • Небозримым табуном тянулись за ними клячи, жеребята и мерины, окружённые жеребцами.
Осёл	<p>«Бенджами был старше всех на ферме годами и хуже всех нравом. Говорил он редко, но и в этих случаях обычно изрекал какое-нибудь циничное замечание - например, он как-то обмолвился, что господь бог наделил его хвостом, чтобы отмахиваться от оводов, но он предпочел бы обходиться и без оводов и без хвоста. Единственный среди всех животных, на ферме он никогда не смеялся. На вопрос о причинах такой мрачности он отвечал, что не видит поводов для смеха».</p> <p>Ни о восстании, ни о связанных с ним переменах о</p>	<p>«Больше всего сердца и души [Рексу] выказывал осёл, живущий в этом дворе только с божьей помощью».</p> <p>Только старый осёл, несмотря на счастливую удачную попытку, не смел больше защищаться, и каждый раз кричал всё жалостнее:</p> <p>Я страшно боюсь!. Я страшно боюсь!»</p>

	не высказывался. <i>Олицетворение интеллигенции.</i>	
Кошка	<ul style="list-style-type: none"> • Присутствуют на собрании вначале 	<ul style="list-style-type: none"> • <i>Чёрный кот</i> – давний приятель Рекса
Ворон	<ul style="list-style-type: none"> • Ручной ворон Моисей. Был ябедник и наушник, зато умел заговаривать зубы. Свиньи протестуют проив него. После восстания улетаёт с фермы, но потом снова возвращается. <i>Олицетворение религии</i>	<ul style="list-style-type: none"> • Почуввав раны, слетелись вороны. • Вороны смотрели с деревьев, ожидая на всякий случай падали
Человек	<ul style="list-style-type: none"> • «Мистер Джонс с фермы "Усадьба" закрыл на ночь курятник, но он был так пьян, что забыл заткнуть дыры в стене. Ткнув ногой заднюю дверь, он проковылял через двор, не в силах выбраться из круга света от фонаря, пляшущего в его руке, нацедил себе последний стаканчик пива из бочонка на кухне и отправился в постель, где уже похрапывала миссис Джонс». Умирает в изгнании • Мистер Пилкингтон из Фоксвуда – хозяин Плутней, добродушный фермер с барскими привычками. В финальном эпизоде приезжает на Скотный двор и играет со свиньями в карты. • Фредерик из 	<ul style="list-style-type: none"> • Немой - сирота, подброшенный однажды на кухню в этот дом. Мальчик упал рядом с Рексом, и они лежали рядом, жалуясь друг другу: «одинаково избиты, одинаково несчастны». Он был рождён по пьяни. Его никчёмно подбросили на кухню при дворе. Его вынянчила и воспитала бедность, презрение и неуважение. Каждый пинал его и причинял ему боль, считая его уродливым созданием. Лицом он был похож на бульдога, ноги у него были костлявые, на голове рыжая шерсть, руки опадали до земли, как у обезьяны, вместо голоса у него был жабий скрежет, и были только удивительной красоты глаза, голубые, лучистые и умные. Он был

	<p>Пинчфилда – жестокий и агрессивный фермер, пытавшийся захватить Скотный Двор. <i>Прототип – Адольф Гитлер.</i></p> <ul style="list-style-type: none"> • Мистер Уимпер – посредник между Скотным Двором и внешним миром, прототип, юрист из Уиллингтона. 	<p>выпихнут на самое дно, ко дворовым зверям, он сжился с ними и побратался с ними, как с родными.</p> <ul style="list-style-type: none"> • Хозяйка («Старая») бьёт Рекса за съеденного индюка и колбасу • Наследница и наследник, какие-то девочки с куклами • Не победить его, не убежать перед ним, точно так же, не победить и не убежать от смерти. Он заключает в себе всё бешенство океанов, которое бессильно бьёт гранит. В какое-то утро, когда отчаянно закричали свиньи, которых грузили на телеге в мясницкую, он заворчал, как будто это болезненно его затронуло. Они снова убивают наших братьев». Разве брат тот, у кого можно пожить (о человеке)? • Человек - это хозяин, потому что он голова всему. он думает, работает и следит, чтобы у всех у нас было, что жрать, чтобы мы существовали, а ты своим разумом можешь только погубить нас всех (свиньи). • <u>Рекс</u>: «- Человека мы не сможем уничтожить, - объявил он с уверенностью. – Как невозможно вызвать ночь среди
--	---	--

		<p>бела дня. Но мстить – это право любого, кто страдал. Я знаю двуногих, они нагие, жалкие, без клыков и когтей, но они страшнее всего! В их головах необъяснимая сила! Можно против них бунтовать, но невозможно их победить. А тот, кто сходится с ними, должен в конце концов стать их рабом. Я уже сорвался с цепи, скоро и остальной полевой народ последует моему примеру!</p> <ul style="list-style-type: none"> • «Пока человека не заберёшь разум, ничего у него не заберёшь, потому что он всегда справится этим»,- пробормотал Немой и снова уснул.»
Волки	—	<ul style="list-style-type: none"> • Первая встреча с волком: «Это ты вылизываешь горшки. Ты, слушай! Сейчас говорит свободный!» Смертельная битва, победа Рекса и бегство волка – триумф Рекса, беспечная охота на лесных животных. • Вторая схватка с волком: тот захотел, чтобы Рекс поделился добычей. Триумф Рекса, своим рыком испугавшего не только волков, но и всю чащу.
Медведь	—	Их схватка с медведем («он был огромный, ростом превосходил человека») и убийство царя чащи.

Источники таблицы приводятся по:

- Оруэлл Дж. Скотный двор. Эссе.: [сб., пер. с англ.] / Джордж Оруэлл. – М.: Издательство АСТ, 2016. – 256 с.
- Реймонт В. Bunt (Revolt). – URL: https://pl.wikisource.org/w/index.php?title=Specjalna:Ksi%C4%85%C5%BCka&bookcmd=download&collection_id=503798c46db5f7df0b0c73d192c9a26c53fc1bbb&writer=rd2latex&return_to=Bunt%2FCa%C5%82o%C5%9B%C4%87. - Дата обращения: 10.01.2015
- Reymont W.St. Die Empoerung: Eine Geschichte vom Aufstand der Tiere / Dritte Auflage. – Bazel: Im Rhein-Verlag, 1925. – 297 s.